БОЛЬШЕВИК

№ 2

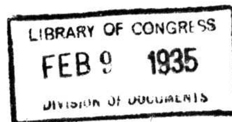
15 АПРЕЛЯ

1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

СОДЕРЖАНИЕ.



Главлит № 21637. Тираж 8.000.

3-я типо-литография «Транспечати» Петровка, Салтыковский, 9.

Н. Бухарин.

О ликвидаторстве наших дней.

I. Крах иллюзий пролетарской революции.

Маркс писал, что пролетарские революции постоянно критикуют самих себя. Это понятно. Ибо ни одна буржуазная революция не имеет перед собою таких оригинальных проблем, ни одна из них не поставлена пред такими принципиально новыми задачами, перед которыми неизбежно становится всякая пролетарская революция и в ее первоначальной фазе, когда пролетариат борется за власть, и на дальнейших этапах ее развития, когда пролетариат побеждает, укрепляет свою диктатуру и борется за изменение способа производства, являясь уже фактически,— хотят или не хотят того отдельные группы, слои, прослойки и даже некоторые классы,— руководителем всего общественного целого.

Эти сложность, новизна, оригинальность, трудность задач, стоящих перед победоносным пролетариатом, вызывают ряд ошибок, иллюзий, неправильных оценок, ложных ориентирующих попыток в его практике. И отсюда-то и вытекает та трезвая самокритика, в которой вырабатывается правильная линия поведения. В огне этой самокритики сгорают и исчезают без следа иллюзии детского периода, реальные отношения выступают во всей их трезвой наготе, и пролетарская политика приобретает иногда— по внешности — менее патетический, но зато более уверенный, прочный, плотно прилипающий к действительности — и потому гораздо вернее изменяющий эту действительность—характер.

С этой точки зрения переход к новой экономической политике явился крахом наших иллюзий. Противники коммунизма, бесконечно пустые меньшевистко-эсеровские болтуны, наравне с признанными оракулами нашей подлой либеральной буржуазии, оценивали и оценивают переход к новой экономической политике, как крах коммунизма. Заметьте: в этой оценке с ними сходятся и „сменившие вехи“ российские интеллигенты, надеющиеся на эволюционное перерождение пролетарской диктатуры в российскую великодержавность буржуазно-демократического образца. Они „приемлют“ Советскую власть не как диктатуру пролетариата, а как власть „Новой России“. Они не разделяют глупого афоризма салопниц: „Ничто не ново под луной“. Но в то же время они уверены, что с другого конца мы придем

к „Великой России“ господина Петра Струве, который так неудачно служил своей Прекрасной Даме под подозрительно-шарлатанскими знаменами „истинно-русского“ барона Врангеля.

Таким образом, все оттенки буржуазной мысли и мелкобуржуазного недомыслия трогательно объединились на одной платформе: новая экономическая политика есть крах коммунизма. Для полноты картины напомним, что точно так же оценивали положение вещей и теоретики международной социал-демократической гнили. Эта падаль тоже ухватилась за возможность констатировать пресловутый „крах“.

И только одна сила занимала, занимает и будет занимать принципиально иную позицию: рабочий класс и его революционная партия — партия коммунистов.

Что же по сути дела „крахнуло“? Крахнул „военный коммунизм“, как система, и крахнула идеология военного коммунизма, то-есть те иллюзии, которые имелись налицо в нашей партии. Это вовсе не значит, что военно-коммунистическая система была в основе своей для того времени неправильна. В условиях внешней и внутренней блокады мы вынуждены были действовать так, как мы действовали. Но в том-то и дело, что мы не представляли себе всей относительности военно-коммунистической политики.

Тогда мы думали, что наша мирная организаторская работа, наша экономическая политика, строительство нашего хозяйства, будут дальнейшим продолжением централизаторского планового хозяйства этой эпохи. А так как и в то время уже было достаточно много нацентрализовано, то отсюда, естественно, возникало представление о близости вполне прочно поставленного на ноги социалистического планового хозяйства. Другими словами: военный коммунизм мыслился нами не как „военный“, то-есть пригодный только для определенной ступени в развитии гражданской войны, а как универсальная, всеобщая и, так-сказать, „нормальная“ форма экономической политики победившего пролетариата. Простые рационализированные формы строжайшей экономии при падении производительных сил принимались за рациональные формы мирной хозяйственной политики. И в этом, в своей основе, заключались иллюзии того периода. Они неизбежно должны были пасть, как только отпали нормы и идеология военного времени. Тогда сразу всплыло море новых вопросов настоящей хозяйственной политики; на арену выступила вся пестрота хозяйственных форм, заговорившая — а коегде и завопившая — голосами своих классовых носителей. Иллюзии военного коммунизма лопнули в тот самый час, когда пролетарская армия взяла Перекоп.

II. Путь к коммунизму.

С точки зрения „сознания“ эпохи военного коммунизма новая экономическая политика была несомненным и очень крупным отступлением; с точки зрения реальной революционной линии она была предпосылкой, первым шагом, общим необходимым условием действительной хозяйственной политики пролетариата, то-есть политики, ориентирующейся на развитие производительных сил страны.

Если смотреть на весь переходный от капитализма к социализму период под углом зрения алгебры высшего порядка, то-есть наиболее абстрактно, тогда мы получим картину роста планового общества, строящегося пролетарской диктатурой. Но в действительности дело не так просто, не так однотонно, потому что в самом переходном периоде есть много переходных форм. План не устанавливается сразу, априорно, сверху, рационалистически. На деле он может лишь вырасти вместе с ростом крупного социализированного производства, вместе с его централизацией, под постоянным давлением упорядочивающего начала государственной власти рабочего класса. Это не значит, что он возникает только стихийно. Пролетариат имеет в своих руках достаточно весомую величину в виде крупной промышленности и транспорта, которыми он может управлять, и которые он может направлять. Но он неизбежно должен считаться с громадным давлением разрозненных мелких хозяйств, вся распыленность и мелкобуржуазная ограниченность которых выражается в слепой, но еще мощной рыночной стихии, химически выделяющей купца и идущей в объятия новой буржуазии.

Переходный период в переходном периоде выражается в целом ряде фактов; в пестроте хозяйственных форм, начиная от социалистической госпромышленности, продолжая мелкобуржуазным крестьянским хозяйством на государственной земле и кончая хозяйством частного капиталиста, нэпмана; он выражается в рыночных отношениях, в силе денег, в анархичности общественного хозяйства в его целом; он выражается в капиталистических формах и методах хозяйственной политики наших госпредприятий, хотя эти формы и методы имеют совершенно антикапиталистическое содержание; он выражается в разнообразии хозяйственных стимулов и в удивительном сочетании этих стимулов; наконец, он выражается в молекулярном процессе борьбы антагонистических форм хозяйства и всех соподчиненных этим формам элементах. Таким образом, классовая борьба пролетариата принимает невиданные и крайне оригинальные формы: это есть борьба пролетарской крупной промышленности за господство над частным капиталом. А отсюда — в более конкретном разрезе: классовая борьба пролетариата за влияние над крестьянством принимает характер борьбы против частного капитала за хозяйственную смычку с крестьянским хозяйством через кооперацию и госторговлю. А отсюда, в свою очередь, классовая борьба пролетариата против собственнических вожделений мелкой буржуазии, даже деревенской, есть борьба за кооперирование крестьянства и за электрификацию.

В период гражданской войны речь шла о ясных категориях политики: бей буржуазию, ищи союзников в крестьянстве, давай отпор вандейцу-кулаку. Эти основные проблемы классовой борьбы надевают теперь на себя хозяйственный костюм, но от этого ни на дюйм не перестают быть проблемами классовой борьбы: госпромышленность против капиталиста, смычка с кре-

стьянством против торговца; кооперация и электрификация—орудие в борьбе за постепенное преодоление мелкой собственности. Другими словами: раньше классовая борьба носила для нас, в первую очередь, военно-политический ударный характер; теперь же она стала носить мирно-хозяйственно-органическую физиономию. Победа в этом типе классовой борьбы (мы отвлекаемся здесь от проблем внешнего порядка) и есть окончательная победа социализма.

Можно подойти к вопросу и иначе, примерно так. При капиталистическом режиме налицо борьба самых различных форм. Но общая тенденция развития заключается в том, что крупное производство побеждает своего более мелкого противника, вытесняет его, преодолевает его и, в конце-концов, становится экономическим диктатором страны. В пределе мы имели бы здесь государственный капитализм (не в нашем русском, а в западно-европейском смысле слова). Формально мы имеем то же и у нас. Но с той принципиальной, существеннейшей разницей, что крупное производство у нас находится в руках пролетарского государства. Это крупное производство ведет борьбу с частным, более мелким, капиталом. Оно конкурирует со своим врагом. Оно пользуется при этом капиталистическими методами, и даже все счетоводство („калькуляция") ведется в капиталистических формах. Но объективно эти формы и методы обслуживают другой класс, т.-е. пролетариат. Процесс этой конкурентной борьбы должен обеспечить победу крупному производству, т.-е. нашему, пролетарскому. А по мере этих побед, по мере централизации хозяйства, по мере кооперирования крестьянства (все эти процессы регулируются и направляются диктаторской властью рабочего класса) будет все более реальным и хозяйственный план, который все скорее будет превращаться в действительный план всего общественного производства. В пределе мы будем иметь здесь не государственный капитализм, а социализм, так как чистые формы пролетарской общественной собственности вытеснят и государственно-капиталистическое (концессии, аренду, частный капитал, регулируемый нами, и проч.). Таким образом, наша конкурентная борьба теперь, внешне чрезвычайно похожая на ту борьбу, которую ведет крупный капитал с капиталом мелким, по сути дела, т.-е. с точки зрения классов, имеет резко выраженный пролетарский, антикапиталистический, социалистический характер.

„Декретами не построишь социализма",—любили говорить наши противники, когда диктатура рабочих экспроприировала экспроприаторов, цвет российских промышленных и торговых тузов. Конечно, одними декретами социализма не построишь. Нельзя его построить и одной голой экспроприацией. Но эта экспроприация, овладение командными высотами хозяйственной жизни, открыла этап такой форме классовой борьбы, открыла путь такой конкуренции хозяйственных типов, из которых неизбежно вырастает социалистический строй.

Преимущества крупного производства, которые в наших условиях суть преимущества пролетариата, не могли существовать в условиях падения производительных сил, хозяйственного распада, отсутствия источников сырья и топлива, полного отсутствия управляющих и знающих кадров. Но они неизбежно будут выявляться все резче и резче по мере роста производительных сил, роста крестьянского рынка теперь, когда у нас есть уже топливо, сырье и, что является колоссально-важным фактором,—знающие и умелые товарищи, прошедшие уже достаточную школу суровой хозяйственной борьбы.

III. О ликвидаторстве наших дней.

Путь к коммунизму, таким образом, оказался вовсе не таким простым, каким мы предполагали раньше. Мы избавились от иллюзий, что само по себе означает нашу крупную победу: ведь, в переходный период пролетариат, по выражению Маркса, должен переделывать и свою собственную природу. Но этот гораздо более трудный и извилистый путь, несмотря на то, что он обещает нам победу, требует от нас и величайшей энергии в классовой борьбе. Более того: он сопровождается не только трудностями, непосредственно вытекающими из логики этой своеобразной борьбы (например, трудностями в деле осуществления лозунга „учитесь торговать"), но и совершенно новыми трудностями социального порядка внутри самого борющегося пролетариата. Сюда относятся все проблемы так-называемого перерождения, когда перед рабочим классом и его партией возникает задача дополнительной борьбы уже в пределах самого рабочего фронта.

Таким образом, задача усложняется по новой линии. И опять-таки: теперь совершенно ясно, что это—не случайность, что эта проблема, наоборот, будет играть довольно крупную роль в любой рабочей революции. И здесь, следовательно, иллюзия более прямого и гладкого пути лопнула.

Крах иллюзий до известной степени аналогичен поражению. С известной точки зрения (очень условной и относительной) он сам может быть рассматриваем как поражение, хотя реально он является победой: он является поражением с точки зрения тех самых иллюзий, которые потерпели крах и, следовательно, с точки зрения реальных носителей этих иллюзий.

После всякого поражения появляются дезертиры. Но, если проанализировать ряды этих дезертиров, то всегда оказывается, что они вербуются из среды наименее устойчивых, наименее выдержанных бойцов.

В пролетарской армии таковыми являются мелкобуржуазные и интеллигентские элементы. Они могут легко увлекаться и итти на горячий штурм, но они так же легко выдыхаются, впадают в отчаяние, истерически „сомневаются", „теряют веру", впадают в скептицизм, „хнычут", „пересматривают" или же ударяются в какую-либо „высокую" область, предоставляя тащить лямку „верующим".

Тогда они, на самом дне отщепенства, разыгрывают из себя аристократов духа, которые высоко посматривают на то, из чего „все равно ничего не выйдет".

Картину такого бегства, бегства в настоящем смысле этого слова, мы видели после поражения революции в 1905 году, когда тысячи ушли от рабочего класса и ушли навсегда.

Некоторую аналогию мы имеем и теперь, после краха иллюзий. И здесь точно так же интересно проследить, как строится идеологическая цепочка отщепенства.

В демократической революции 1905 года либеральная буржуазия еще до декабрьского восстания перешла открыто в контр-революционный лагерь. Она стала центром идейного притяжения для тех попутчиков рабочего класса, которые после декабря массами стали покидать его ряды. Меньшевики стали плевать на восстание московских рабочих и пошли на сделку с кадетами; открытые дезертиры прониклись настроениями „Вех"; кое-кто из бывших „максималистов" начал обзывать русский народ несмысленной Фефелой, ради которой господам героям и стараться-то, в сущности, нечего. И так далее, и тому подобное.

Еще до Октябрьской революции из лагеря пролетариата и крестьянства ушли меньшевики и эсеры, подобно кадетам в 1905 году. Но после краха иллюзий военного коммунизма эти меньшевики и эсеры стали центром идейного притяжения для дезертиров. С этой точки зрения чрезвычайно любопытен был бы анализ таких группировок, как „рабочая группа" (мясниковцы) и „Рабочая Правда". Крах иллюзий они приняли за крах коммунизма и, начав с „левой" критики нашей партии, сделали (в особенности „Рабочая Правда") полный оборот в 180°, придя целиком к меньшевистской концепции.

„Рабочая Правда", начав с критики РКП, как партии, якобы, предавшей Октябрьскую революцию, закончила свою карьеру критикой Октябрьской революции, т.-е. свернула на дорожку Либерданов в октябре 1917 года. Мясниковцы, начав с критики внутрипартийной „диктатуры" в ковычках, дошли до критики диктатуры пролетариата и до лозунгов, объединяющих всех врагов Советской власти, начиная от Милюкова и кончая Даном. И все эти почтенные люди—и Даны, и „Заря", и эсеры, и дезертиры—все в одну дудочку кокетничают сантинэповскими мотивами, хотя политически требуют нэповской „демократии".

Все это—пропащие люди. Хуже всего, однако, то, что у нас есть — зачем это скрывать? — скрытые скептики, в особенности из среды квалифицированной учащейся молодежи. Среди них считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед, и, наоборот, они чрезвычайно охочи, с видом своего собственного превосходства (на то, ведь, они и „критически-мыслящие личности", не в пример всем прочим!) сладострастно посудачить о наших болезнях, промахах и ошибках.

Не священная тревога за судьбу революции живет в них, а глубоко скрытое неверие в наше будущее. Не поисками положительных решений они живут, а более „высокой" деятельностью, перед которой бледнеет „злоба дня сего".

Вот этот тип собачьей старости, который идейно родственен дезертирству, но облекается в туманную вуаль „высокого и прекрасного", нужно лечить, пока не поздно. Как резко контрастируют с ними свежие рабочие силы, которые сотнями тысяч приходят к нам в ленинском призыве! Какой глубокой уверенностью, каким громадным социальным оптимизмом проникнуты эти новые ряды! И они видят тысячи трудностей, и они видят громадные болячки на нашем теле. Но у них все дышит активной творческой уверенностью в том, что все трудности мы победим, если сплочены и дружны будут наши стальные ряды.

И в этом смысле то громадное обновление, которое переживает наша партия, само по себе служит могучим признаком роста пролетарской страны. Ликвидаторству приходит волею пролетариата бесславный конец.

Новые статьи В. И. Ленина.

Ниже мы печатаем разысканную на-днях в архиве т. Ленина статью, которая до сих пор не видела света. Статья эта писана для журнала „Коммунистический Интернационал“ (приблизительно в феврале или марте 1922 г.) и была задумана, как продолжение тех „Заметок публициста“, которые Владимир Ильич помещал тогда почти в каждом номере „К. И.“.

Я помню, как В. И. обещал закончить эту статью для очередного номера „К. И.“, а потом так и не сделал этого из-за усталости и обременения работой.

По вопросу о роли Павла Леви во время третьего конгресса были значительные расхождения и внутри русской делегации. Свою ошибку в этом вопросе В. И. не раз признавал в устных беседах. Он сделал это, оказывается, и письменно. Заявлением В. И. в печатаемой статье кладется конец не лишенному интереса спору в связи с важным эпизодом, имевшим большое значение для определения тактики Коминтерна.

Что касается Серрати, то столь резкая оценка его тов. Лениным относится к моменту небольших ошибок т. Серрати и наиболее неверных его выступлений против Коминтерна. В этом месте мы вычеркиваем из рукописи В. И. несколько резкостей вызванных страстностью борьбы, и мы совершенно уверены, что поступаем в этом отношении в духе В. И. Он первый вычеркнул бы теперь все эти резкости, и первый порадовался бы возвращению т. Серрати в ряды Коминтерна,— тем более, что т. Ленин высоко ценил способности т. Серрати.

Статья, хотя и незаконченная В. И., появляется как нальзя более во-время. Вскоре предстоит пятый конгресс Коминтерна, перед которым пройдут многие из проблем, затрогиваемых в этой статье. Германская компартия вновь переживает острую внутреннюю борьбу. Находятся ультра-„левые“ товарищи, которые апеллируют к ошибке покойной Розы Люксембург в 1903 г. против взглядов Коминтерна, например, в организационном вопросе. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что об этом говорит В. И. Находятся охотники распространяться о „кризисе“ Коминтерна. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что т. Ленин говорит о „не шумной, не яркой, не крикливой, не быстрой, но глубокой работе создания в Европе и в Америке настоящих коммунистических партий“. А то, что сказано В. И. „о восхождении на высокие горы“ и, в особенности, „о вреде уныния“, очень и очень небесполезно будет прочитать и перечитать многим „критикам“ политики РКП.

Г. Зиновьев.

I.

О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.

Заметки публициста.

Вроде примера.

Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и неисследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но и прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины. Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д. Приходиться обвязывать себя веревкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубить уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видеть, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надежный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх к вершине.

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко,— минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать (по образцу „сменовеховцев“) „спуском на тормозах“, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее.

Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй. Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе. „К прискорбию, наши опасения оправдываются. Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой? И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность

подвинуться на какой-нибудь аршин. А нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!)—если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще".

К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих „истинных друзей" идеи восхождения, а то бы его, пожалуй стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах.

II.

Без метафор.

Пример—не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это—истины бесспорные и общеизвестные, но их не мешает напомнить, чтобы нагляднее представить границы значимости всякого сравнения вообще.

Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы доделали и чего не доделали, — тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы „доделали" буржуазно-демократическую революцию так „чисто", как никогда еще в мире. Это — величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет.

Мы доделали выход из реакционнейшей империалистической войны революционным путем. Это — тоже такое завоевание, которое никакая сила в мире назад не вернет, и завоевание тем более ценное, что реакционные империалистические бойни неизбежны в недалеком будущем, если сохранится капитализм; а люди XX века не очень легко удовлетворяются второй раз „базельскими манифестами", которым в 1912 и 1914—18 годах одурачили себя и рабочих ренегаты, герои 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов.

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирноисторическую эпоху — эпоху политического господства пролетариата, пришедшего на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя „доделать" советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран.

Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего „страшного", ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих несколь-

ких передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной сделали невероятно много. Мало того: мы сохранили „армию" революционных пролетарских сил, мы сохранили ее „маневренную способность", мы сохранили ясность головы, позволяющую нам трезво учесть, где, когда и на сколько надо отступить (чтобы сильнее прыгнуть); где, когда и как именно надо приняться за переделку недоделанного. Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирноисторическое „предприятие", как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного „начинания сначала" в подходе к труднейшей задаче.

И нам тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде, *начали двигаться вперед* в области подготовительной к социализму *экономики*, тогда как рядом с нами, во всем мире, страны, более передовые, в тысячу раз более нас богатые и военно-могущественные, *продолжают двигаться назад* в области „ихней" ими прославленной, им знакомой, сотни лет уже испытанной, капиталистической экономики.

III.

Об охоте на лис; о Леви, о Серрати.

Говорят, самым надежным способом охоты на лис является следующий: прослеженных лис окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками на небольшой высоте от снегу; боясь явно искусственного „человеческого" сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта „ограда" из флажков приоткрывается; а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут „продолжение достоинства" оказывается недостатком. Лису ловят именно на ее чрезмерной осторожности.

Должен покаяться в одной ошибке, которую мне довелось сделать на 3-м съезде Коминтерна тоже из-за чрезмерной осторожности. На этом съезде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и „влиятельная") группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно „левую" и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками. Из

осторожности, в заботе о том, чтобы этот несомненно неправильный уклон в левизну не дал ложного направления всей тактике Коминтерна, я защищал Леви всячески, высказывая предположения, что он потерял голову (я не отрицал, что он потерял голову), может быть, из чрезмерного испуга перед ошибками левых, и что бывали случаи, когда потерявшие голову коммунисты потом опять „находили“ ее. Допуская даже перед натиском „левых“, что Леви меньшевик, я указывал, что даже такое допущение не решает еще дела. Например, вся история 15-летней борьбы меньшевиков с большевиками в России (1903—1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы, что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении. Это—факт бесспорный. Но этот бесспорный факт не устраняет того факта, что в отдельных случаях меньшевики бывали правы против большевиков, например, в вопросе о бойкоте столыпинской думы в 1907 году.

Со времени 3-го съезда Коминтерна прошло уже 8 месяцев. Видимо, наш тогдашний спор с „левыми“ уже устарел, уже решен жизнью. Я оказался неправ насчет Леви, ибо он с успехом доказал, что попал на меньшевистскую дорожку не случайно, не временно, не только „перегибая палку“ против опаснейшей ошибки „левых“, а надолго, прочно по всему своему естеству. Вместо того, чтобы после 3-го конгресса Коминтерна честно признать необходимость снова попроситься в партию, как должен бы поступить человек, временно потерявший голову в раздражении на некоторые ошибки левых, Леви принялся мелко пакостить партии и из-за угла ставить подножки ей, т.-е. оказывать фактические услуги агентам буржуазии из 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов. Разумеется, вполне правы были немецкие коммунисты, которые ответили на это, исключив недавно из своей партии еще нескольких господ, оказавших тайно поддержку Павлу Леви в этом благородном занятии.

Развитие германской и итальянской коммунистических партий после 3-го конгресса Коминтерна доказывает, что ошибка левых на этом конгрессе ими учтена и исправляется—понемногу, медленно, но неуклонно; решения 3-го конгресса КИ проводятся лояльно в жизнь. Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет, партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию — это вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее. В повседневной жизни переделать тип партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе — это самое трудное, но и самое верное дело. Если европейские коммунисты не используют для этого коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы своих партий того (вероятно, очень короткого) промежутка между периодами особого обострения революционных битв, который переживали многие коммунистические страны Европы и Америки в 1921 году и в начале 1922 года, то это будет с их стороны величайшим преступлением. К счастью, опасаться этого нет оснований. Не шумная, не яркая, не крикливая, не быстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата, и эта работа идет.

Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой—нельзя забывать, что, если заменить трезвый учет обстановки одним „настроением“ или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую, можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна.

Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией—и, следовательно, перед 2-м и $2^1/_2$-м Интернационалами, ее агентами, — переиздавая как-раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда под небо не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (при чем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом: и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которыми невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. „Немецкая социал-демократия после 4-го августа 1914 г. — „смердящий труп“,—вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения. А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры в роде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое.

Что касается до Серрати, то итальянские коммунисты, воспитывая настоящую партию революционного пролетариата в Италии, будут иметь теперь наглядный образец меньшевизма перед глазами рабочих масс. Не сразу, не без многих повторных наглядных уроков скажется полезное, отталкивающее действие этого образца, но скажется оно непременно. Не отрываться от масс, не терять терпения в тяжелой работе практического разоблачения перед рядовым рабочим всех Серрати: там, где Серрати говорят „а“, повторять „минус а“; воспитывать массы неуклонно к революционному миросозерцанию и революционному

действию; пользоваться практически и практично великолепными (хотя и дорого стоящими) наглядными уроками фашизма—и победа за итальянским коммунизмом обеспечена.

Леви и Серрати характерны не сами по себе, а как современный образец крайнего левого крыла мелкобуржуазной демократии, „ихнего“ лагеря, лагеря международных капиталистов, против нашего лагеря. „Ихний“ лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы весь, целиком, от Гомперса до Серрати, по поводу нашего отступления, нашего „спуска вниз“, нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать свои ошибки, не бояться многократного, повторного труда исправления их—и мы будем на самой вершине. Дело международного блока от Гомперса до Серрати—дело погибшее.

Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.

Настоящий замечательный документ написан В. И. Лениным 4-го декабря 1922 года и был предназначен в качестве инструкции нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге по вопросу о борьбе против войны.

Г. З.

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самый большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией,—так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится; заявить, что „ответить“ на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно „ответить на войну“ революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны, и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что „защита отечества“ становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о „защите отечества“,—во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о „пораженчестве“, и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для **д л и т е л ь н о й** работы против войны всех участвующих в войне революционеров—все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войны—глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах, хотя бы немецкой, литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г. показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалиста и т. п. оказывается пустыми словами потому, что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время они держатся по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран, наверное, осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров в трэд-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбиваем заранее, либо еще больше отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны, и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что, **е с л и у н а с б у д е т** на Гаагской конференции **н е с к о л ь к о ч е л о в е к, с п о с о б н ы х н а т о м и л и д р у г о м я з ы к е с к а з а т ь р е ч ь п р о т и в в о й н ы**, то всего важнее опровергнуть мнение о том, будто **п р и с у т с т в у ю щ и е** являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и разъяснять его надо двояко.

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых,—надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д.

Мне сдается, что, если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать, хотя бы, только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо итти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е., развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны,—еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в постановке тех или иных аргументов, или привлечения примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно, если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью, беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно, если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, безнадежно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю „стратегию“ на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

Ленин.

4/XII 1922 г.

А. Слепков.

К третьей годовщине Кронштадтского мятежа [1]).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Кронштадт на пути к буржуазной диктатуре.

История показала себя в нашу эпоху войны безжалостной по отношению к мелкой буржуазии.

Между февралем и октябрем 1917 года фиктивно у власти стояла мелкая буржуазия, а фактически правил крупный капитал. В 1918 году мелко-буржуазная учредилка возродилась при поддержке чехо-словацких войск, но эта учредилка вынуждена была вести чисто буржуазную политику изъявилась лишь подготовительной ступенькой к прямой диктатуре помещичье-капиталистического блока, представленного Колчаком.

Эпоха гражданской войны, наконец, знает момент, когда у кормила государственной власти стояли меньшевики (Грузия), но и эта мелко-буржуазная власть защищала интересы не только буржуазии (отечественной и иностранной), но и интересы феодального землевладения. Мелко-буржуазная в субъективно-классовом отношении власть вела всегда объективно-буржуазную или даже помещичье-крепостническую политику.

Иначе и не может быть в эпоху краха капитализма и социалистической революции. Социалистическая революция подготовлена экономической и политической гегемонией города над деревней.

Города являются мощными центрами передовой техники, более высших экономических форм, высшей стадии общественных отношений.

Город подчинил себе деревню в эпоху капитализма и технически, и экономически, и политически.

Вот почему капиталистический или социалистический город, а не мелко-буржуазная деревня—определяет государственную политику эпохи социальной революции. Эту мысль очень выпукло выразил Ленин в статье „Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата".

[1]) Данные, приводимые в этой статье без ссылок, взяты автором из следственного материала ГПУ по Кронштадтскому делу.

„Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К-[0]), ни разбивали себе лоб перед богинями „равенства", „всеобщего голосования", „демократии", „чистой демократии" или „последовательной демократии", от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это—факт, неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских классов" сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет" [1]).

Кронштадт—это волна мелко-буржуазной крестьянской контр-революции против пролетарского города, против диктатуры пролетариата.

И с железной неизбежностью Кронштадт, разомкнувшись с пролетарским государством, потянулся к буржуазной гегемонии.

Мы уже показали, что политическая программа Кронштадта открыла путь к буржуазному реставраторству. Одно знакомство с этой программой в первые дни войны дало основание российской коммунистической партии охарактеризовать движение, как контр-революционное, Одна эта программа дала нам основание утверждать, что в Кронштадте зреет генеральская диктатура.

Эта диктатура не успела осуществиться, не имела времени занять господствующее положение, но в этом неповинны руководители Кронштадтского мятежа—это было исключено геройством боевого авангарда российского пролетариата, в невероятно трудных условиях вернувшего Кронштадт Советской России. В развитии же мятежа Кронштадтский Ревком шаг за шагом приближался к установлению буржуазной гегемонии. Эта тенденция буржуазно-политического реставраторства проявлялась и в объективной логике политического поведения „беспартийного" Ревкома и в динамике субъективных устремлений руководителей мятежа.

Следует, прежде всего, развеять легенду о формальной беспартийности Кронштадтской власти.

Посмотрим на Ревком.

Ряд показаний о Петриченко, председателе Ревкома, обнаруживает в нем быв. члена партии левых эсеров. Заведывающие гражданскими делами члены Ревкома Вальк и Романенко—члены меньшевистской партии, член Ревкома и редакционной коллегии Орешин—член партии энесов. Фактическим руководителем „Известий" был активный член партии с.-р. максималистов Ламанов, а деятельнейшим сотрудником, написавшим большинство статей в „Известиях", Был Путилин, член партии энесов.

[1]) Собрание соч. Ленина, т. XVI. стр. 442, курсив т. Ленина.

Заведующий Кронштадтским Совнархозом принадлежит к меньшевистской партии.

Если принять во внимание, что меньшевики, эсеры и энесы сознательно маскировали свою партийность под личиной „беспартийного“ Совета, и что они предпочитали выдвинуть фиктивными руководителями, за спинами которых действовали они, беспартийных, то картина получится довольно поучительная.

Даже при такой политике мелко-буржуазных партий командные высоты в Совете были заняты настоящими или бывшими членами этих партий; при чем, бросается в глаза значительное участие членов партии энесов, т.-е. самой правой, самой близкой к буржуазии, самой контр-революционной „социалистической“ партии.

Но наиболее крупным удельным весом в Кронштадтском „правительстве“, несомненно, отличались эсеры.

Впрочем, между эсерами, меньшевиками и энесами в их практической деятельности обнаружилось почти полное единодушие по основным вопросам.

Основной тенденцией в этой деятельности было усиление репрессий и гонений на коммунистов и рост сближения с буржуазной контр-революцией.

Предоставляя свободу действий „левым социалистам“, кронштадтцы с первого дня мятежа начали применять насилие к коммунистам. Уже во 2 № „Известий“ Ревком вынужден опровергать слухи о том, что „арестованным коммунистам чинится насилие“ [1]).

В № 7 от 9/III сообщается, что „на форту“ „Красноармейский“ находившиеся там коммунисты усердно вели свою злостную агитацию и давали команде чувствовать, что они являются еще господами их и не собираются уступать своего места.

При попытке уйти с форта, эти „коммунисты в числе 50 человек были задержаны, обезоружены и отправлены в распоряжение Временного Ревкома“ [2]).

В следующем № „Известий“ Ревком обращает внимание кронштадтцев на то, что „среди населения еще не мало шпионов-коммунистов, сеятелей ложных слухов“.

Временный Ревком предупреждает, что „против сеятелей ложных слухов будут приняты решительные меры, диктуемые обстоятельствами военного времени“ [3]).

Нас нисколько и не на минуту не удивляет, что кронштадтцы применяли насилие, запретили свободу слова, собраний, организаций. Мы этой свободы организации лишаем контр-революционные партии, а кронштадтцы, давая свободу организации „левым социалистам“, меньшевикам, эсерам и „народным социалистам“, т.-е. партиям, заведомо контр-революционным, лишали свободы только коммунистов, объявляли вне закона только революционно-пролетарскую партию.

Подавляя одной рукой коммунистов, руководители мятежа другую руку все решительней и безоговорочней протягивали

---

[1]) „Известия“ Врем. Кроншт. Ревкома № 2, 4/III „От Врем. Ревкома“.
[2]) „Известия“ № 7—от 9/III.
[3]) „Известия“ № 8—от 10/III „От Врем. Ревкома“.

Кронштадтской белой спецовской офицерщине, игравшей функционально иную роль, чем при Советской власти.

Кронштадтцы субъективно были возмущены тем, что в красной печати их изображали орудием в руках военной белогвардейщины, но объективно такой взгляд был бесспорным.

У нас спецовский военсостав находится под постоянным и тщательным политконтролем пролетарской партии; у кронштадтцев этого не было. Фактическим верховодом военной борьбы был штаб, руководимый спецами. Возглявлялся штаб начальником штаба крепости, быв. подполковником Соловьяновым, начальником оперативной части штаба крепости генштабистом Арканиковым и начальником артиллерии, бывшим генералом Козловским.

Если еще 6-го марта на совещание в штабе были приглашены делегаты от морских и сухопутных частей, то уже после этого собрания делегатов больше не приглашали, и штаб действовал вполне самостоятельно.

Правда, Ревком имел право формального контроля, но во всех случаях спора между Ревкомом и Соловьяновым, как это обнаружилось на следствии, „Ревком всегда уступал спецам из штаба“.

Снявши политических руководителей военных сил—коммунистов, мятежники обеспечили белому спец-офицерству возможность самостоятельного военно-политического действия.

Обеспечивая своей политикой в „армии“, если можно назвать армией сравнительно небольшие воинские силы Кронштадта, гегемонию белого спец-офицерства, кронштадтцы нащупывали все ближе и конкретнее пути и формы смычки с западно-европейской контр-революцией.

Через неделю после разрыва с Советской Россией—Кронштадт принял контр-революционного гостя.

Им оказался, бывш. командир „Севастополя“ барон Вилькен, возглавлявший комиссию американского „Красного Креста“. Этот барон Вилькен был известен в матросской среде, как самый свирепый зубр царского флота, и одно известие о его прибытии в Кронштадт вызвало в Советской армии, противостоящей Кронштадту, подъем политического настроения.

Вилькен предложил Кронштадту от американского „Красного Креста“ помощь продовольствием и медикаментами, которые должно было переправить контрабандой через Финляндию.

Ревком согласился на эту помощь контр-революционной организации, при чем, члены Ревкома Вальк и Перепелкин не отрицают на следствии, что им вполне ясны были политический смысл этой сделки с контр-революцией и обязательства, налагаемые таким сотрудничеством.

Правда,—кронштадтцы колебались, вступая в блок с явной контр-революцией.

На одном из последних заседаний Ревкома разбиралось обращение Чернова, предлагавшего вооруженную и прочую помощь под условием, что Кронштадт примет лозунг борьбы за Учредительное Собрание.

Несмотря на поддержку члена Ревкома меньшевика Валька и

колебания других членов Ревкома, Чернов не собрал здесь за свое предложение большинства.

Однако, на заседании Ревкома 13 марта руководители мятежа вынуждены были констатировать, что изолированное существование Кронштадта далее немыслимо. Необходимо или капитулировать перед Советской Россией или обратиться к широкому сотрудничеству с капиталистическим миром.

Ревком принял решение обратиться с воззванием о помощи ко всему миру—и нашел возможным принимать помощь в различных формах, откуда бы она не следовала.

Возможность и неизбежность такого решения предвиделись Ревкомом еще до этого заседания.

В № 8 „Известий" от 10 марта, и в радио пролетариату всех стран, Ревком заявляет: „Если бы наша борьба затянулась, мы, может-быть, и будем вынуждены обратиться к внешней помощи продовольствием ради наших раненых героев, детей и гражданского населения".

Такова логика гражданской войны: или с буржуазией или с пролетариатом.

Восставши против пролетарского государства, Кронштадт неотвратимо подвигался к смычке с буржуазией.

„Беспартийные Советы"—мелко-буржуазные партии—крупная контр-революционная буржуазия, таковы звенья цепи, приковавшей Кронштадт к мировой контр-революции.

Если „демократическое" мелко-буржуазное звено тянулось к мировой буржуазной цепи из Кронштадта, то мировой капитал торопился сомкнуться своим звеном с Кронштадтом, протягивая к нему встречные щупальцы.

Мы не будем здесь подробно излагать литературно-политическую шумиху русской белой эмиграции, поднятую вокруг Кронштадта. Общий итог этой шумихе тов. Ленин подвел в политическом заключении брошюры „О продналоге":

„Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию „за Кронштадт"... Умный вождь буржуазии и помещиков кадет Милюков терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с Учредилкой, что можно и должно высказаться за Советскую власть—только без большевиков" [1]).

Нас интересует здесь больше фактическая, материальная, объективная, социально-политическая сцепка, чем сцепка субъективно-идейная.

На одном из известных нам примеров мы и должны сейчас выявить эту объективную социальную сцепку.

Созданное эсерами в Париже в половине 1920 г. „Внепартийное объединение", поставившее себе задачу организовать внутри России блок контр-революционных сил для свержения Советской власти и подготовить новые интервенции, необычайно воспрянуло духом, когда получило известие о Кронштадтском восстании.

[1]) Н. Ленин. Собр. сочинений, том XVIII, ч. I, стр. 229.

Эсеры готовят вооруженную подмогу Кронштадту.

У нас нет еще всех необходимых данных, вскрывающих размеры и методы эсеровской контр-революционной работы в связи с кронштадтскими событиями.

Однако, некоторые косвенные, хотя и отрывочные данные у нас есть.

Возьмем хотя бы следующий отрывок из протокола Адм. Центра этого „Внепартийного объединения", руководимого эсерами [2]).

Утреннее заседание Адм. Центра.

3 апреля 1921 г.

Присутствуют: Авксентьев, Брушвит, Зензинов, Керенский, Роговский и Фабрикант.

Слушали:

1. Доклад Брушвита о его поездке в Балтику.

2. О работе в Финляндии.

Ингерманландцы в хороших отношениях с финами и склонны сотрудничать с нами. Представитель Ингерманландской организации Тюнни сочувствует нашей деятельности. В Финляндии находится около 15 тысяч мужчин ингерманландцев, из коих три тысячи могут быть мобилизованы. Во время Кронштадтского восстания ингерманландцы хотели выступить в помощь кронштадтцам и дать 300 лошадей.

В. М. Черновым переведено в Финляндию в распоряжение Тюнни 10.000 фр.

Таким образом, эсеры финансировали организацию, обязующуюся выступить в помощь Кронштадту против Советской России.

Кто же субсидирует эсеров?

Раньше всего русские заграничные „толстосумы", как ласково именует капиталистов эмигрантов в одном из своих писем член Ц.К. П.С.-Р. Зензинов.

В письме своем от 13 марта Зензинов пишет Роговскому:

„Вчера мы получили от вас из Парижа перевод в 50 тыс. франков и от Бахметьева по телеграфу—25 тысяч долларов. Бахметьев, кроме того, телеграфирует, что надеется в ближайшем будущем прислать сюда еще".

В этом же письме Зензинов пишет [1]):

„Для осуществления этого (продпомощи Кронштадту) необходима гарантия около шести миллионов чешских крон... Вам в Париже виднее, где можно такую гарантию найти—быть-может, у русских банков и промышленников, у Денисова, о готовности которых помочь сейчас Кронштадту теперь много пишут „Последние Новости" и „Общее Дело"...

[2]) См. „Работа эсеров за границей". По материалам парижского архива эсеров.
[1]) Там же, стр. 27.

Итак, первый источник—русские эмигранты „толстосумы“.

В другом письме Зензинова, относящемся уже к декабрю 1921 г., мы натыкаемся на описание беседы Зензинова с чешским премьер-министром Бенешом.

„Мы—заявляет Бенеш,—считаем вашу работу полезной и нужной как для России, так и для нас. Поэтому мы не допустим, чтобы ваша работа прекратилась. Но эта работа, в отличие от прошлого, должна происходить по определенному хозяйственному плану. С января вы будете получать на „Еженедельник“ 50 тысяч крон. Я лично постараюсь эту сумму увеличить до шестидесяти или шестидесяти пяти“.

Так излагает речь Бенеша сам Зензинов [2]).

Отсюда уже явствует связь эсеров с иностранным капиталом, в данном конкретном случае—чешским.

В письме от 8 марта в Париж Зензинов заявляет:

„Одна беда—нужны деньги купить гарантии. Нам здесь кажется,—за это дело должен вплотную взяться Керенский в Париже (с официальными кругами и с русскими толстосумами)“.

Парижские официальные круги фигурируют на-ряду с толстосумами, как объекты „доения“.

Итак, иностранный капитал второй финансовый источник эсеров.

Мы можем теперь изобразить ряд реальных сцеплений кронштадтцев с явно контр-революционными силами.

Кронштадтцами фактически руководят бывшие и настоящие члены мелко-буржуазных партий (с.-д., с.-р., н. с.).

Эти последние лишают свободы слова, печати, организации коммунистическую партию.

Военная спецовская верхушка „эмансипирована“ от контроля коммунистов, и белому офицерству обеспечено фактическое господство в Кронштадте.

Кронштадтцы изолируют себя от Советской России.

Они принимают помощь американского „Красного Креста“.

Американский „Красный Крест“ есть белая организация, содержащаяся на средства капиталистов.

Французские и чехо-словацкие „официальные круги“ и русские эмигранты снабжают средствами эсеров.

Эсеры нанимают ингерманландцев для борьбы с Советской Россией.

Ингерманландцы готовят военную поддержку Кронштадту.

Правда, все эти сцепления суть процессы, оборванные на середине нашей победой, но объективную историческую роль кронштадтского мятежа они рисуют достаточно ясно.

Кронштадт объективно был третьим этапом в наступлении контр-революции на пролетарское государство.

---

[1]) Там же, стр. 25.

Первый этап характеризуется очень примитивной расстановкой враждебных сил: помещичье-капиталистическая белая армия против красной рабоче-крестьянской (Корнилов, Каледин, Дутов), или — англо-германо-французские войска капиталистических государств против революционных войск российского рабочего государства.

Второй этап. Цепочка удлиняется; мелко-буржуазные партии под своим флагом организуют восстание против диктатуры пролетариата. Бело-помещичье-буржуазная диктатура укрепляется за счет мелко-буржуазной контр-революции (эсеровская учредиловка—Колчак-Деникин; меньшевистская Грузия—западно-европейский капитал).

Появляются два звена контр-революционной цепочки: меньшевистско-эсеровская контр-революция и белая диктатура.

Третий этап. Кронштадт: три звена—„беспартийные“ кронштадтские мятежники, эсеро-меньшевики, русская и иностранная капиталистическая реакция.

Контр-революция была бита в эпоху гражданской войны во всех этих трех этапах борьбы, борьба передвинулась в наши дни в полосу „мирной“ эволюционной, но по классовому смыслу той же схватки различных социально-экономических формаций. Мы должны победить ее в этой полосе, учитывая уроки гражданской войны.

Практические уроки Кронштадта.

В этой новой и последней полосе классовой борьбы в эпоху нэп'а мы должны помнить о следующих уроках Кронштадта.

1. Мы можем и должны вести политику прижимки капиталистических слоев крестьянства, мы можем в нашей экономической политике пренебречь пожеланиями и стремлениями крестьянской буржуазии; но мы не можем и не должны, если желаем укрепления пролетарского государства, не считаться с устремлениями и минимумом экономических требований крестьянства, как социального носителя простого товарного хозяйства.

Товарность хозяйства и частное производство на трудовой основе—вот этот минимум требований.

Только исходя из этих условий, в нашем хозяйственном строительстве, мы вырываем в деревне почву из-под контр-революции.

При этом не следует забывать, что простая декларация о разрешении товарности и частного трудового хозяйства—ничего не значит. Надо, чтобы крестьянское хозяйство имело экономические условия, необходимые для реализации прав на простое товарное хозяйство. Правильно указывалось неоднократно, что раздвижение „ножниц“ или чрезмерно высокий и пестрый налог—могут свести на нет эти права.

Каждодневно и в каждом звене цепи экономических мероприятий крестьянское хозяйство, как простое товарное хозяйство,

должно учитываться как отправной пункт, как объект приспособления, долженствующего укреплять пролетарское государство.

2. По линии политического укрепления Советской власти,— максимум активно-враждебного внимания ликвидаторским лозунгам политического „нейтрализма".

С этой точки зрения необходим свирепый отпор Сапроновским устремлениям к отодвиганию советского аппарата от партийного. Наши задачи в деревне диаметрально противоположны этим устремлениям. Симптоматичным является для наших дней учащение требований об организации „крестьянских профсоюзов". Идейные истоки этого лозунга—за рубежом; на этом начинают играть и Милюков, и Дан и Чернов.

Кронштадтская ставка на беспартийных советах была бита; новая ставка делается на „беспартийные" крестьянские профессиональные объединения.

Ответом на это течение должна быть новая кампания за организацию пролетарских и полупролетарских сил деревни под руководством РКП.

3. В нашей внутрипартийной политике следует, еще и еще раз учтя уроки Кронштадта, не забывать:

а) об опасности внутрипартийного фракционного ращепления, политически развязывающего социальные стихии внепартии.

Расшатывая дисциплину внутри партии, мы ослабляем руководство партии над пролетариатом и гегемонию пролетариата над крестьянством.

Партия есть Гордиев узел, связующий своим единодействием пеструю систему социальных сил советского общества; развязывая этот узел, мы развязываем и обусловленное и реализованное им сцепление советского общества.

б) о необходимости тщательного периодического фильтра молодых непролетарских кадров партии.

Кронштадтская организация РКП потеряла за время кронштадтского мятежа около 900 членов партии, перешедших на сторону мятежников.

В громадной своей массе это не рабочие и из молодняка, имеющего 1—2-летний партийный стаж [1]).

С этими уроками и сознанием громадных трудностей впереди мы будем укреплять в массах политическую идеологию не Кронштадта начала 1921 г., а нашего, октябрьского, красного Кронштадта—„красы и гордости революции".

---

[1]) Это прямо-таки бросается в глаза при чтении „Кронштадтских Известий".

И. Степанов.

Может ли ВСНХ делать погоду? [1]).

I.

Я имею в виду экономическую погоду, погоду в общем ходе нашего промышленного производста.

Итак, может ли ВСНХ делать экономическую погоду?

Я отвечаю: да, в известных, ограниченных пределах, но все же он может делать погоду. И во всяком случае об этом стоит подумать, а подумав и обсудив, осторожно поставить первые опыты.

Во время партдискуссии, именно при обсуждении нашей экономической политики, сдва ли не центральным пунктом споров сделался вопрос об активном торговом балансе: должны ли мы вывозить за границу на большие суммы, чем ввозим оттуда, и заставлять заграницу оплачивать избыток нашего ввоза фунтами стерлингов и долларами, которые будут составлять наш актив, наш чистый денежный выигрыш от внешней торговли (активный торговый баланс)? Или же, напротив, всю выручку от нашего вывоза мы сейчас же должны затрачивать на приобретение за границей недостающих у нас продуктов, не останавливаясь при случае перед доплатами загранице дополнительных сумм (пассивный торговый баланс).

Оппозиция в конце-концов признала, что для нас необходим активный баланс, но, говорила она, достаточно будет, если его активность, т.-е. превышение заграничных денежных платежей нам над нашими обязательствами по отношению к загранице, будет умеренная, приближающаяся к нулю. Достигнуть этого очень легко: денежные избытки, которые нам до сих пор доставляла внешняя торговля, надо использовать на создание иностранной товарной интервенции. А эти ужасные слова означают простую вещь: надо употребить чистую выручку от иностранной торговли на приобретение за границей предметов широкого потребления, например, ситца. Этим, по словам представителей оппозиции, достигались бы двоякого рода цели. Во-первых, конкуренция иностранного ситца заставила бы наши тресты понизить свои расценки. Во-вторых, деревня быстрее получила бы необходимые для нее товары, что послужило бы толч-

---

[1]) Печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

ком для энергичного расширения земледельческого производства.

Пример был выбран не из удачных. Наша текстильная промышленность вообще способна еще к очень большому расширению, достаточно быстрому для того, чтобы удовлетворить внутренний спрос на мануфактуру. Что касается снижения цен, оно, как показал опыт последних недель, может и без „иностранной товарной интервенции" вынуждаться в пределах, соответствующих интересам этой промышленности и общим интересам нашего союза. Конкуренция необходмма для выравнивания цен книзу при капиталистическом производстве. у нас же имеются более прямые способы установления нормальных цен. Мы еще далеко не использовали и не могли использовать этих способов, так как предпосылки для энергичного и планомерного их применения создаются только полным проведением теперешней денежной реформы. А затем для всякого ясно, что никуда не годилась бы такая экономическая политика Советской власти, которая не направляла бы главных усилий на развитие собственной промышленности.

Но что же в таком случае делать с теми миллионами фунтов стерлингов, крон, марок и франков, которые, благодаря внешней торговле, осаждаются в Наркомфине и Госбанках?

Спору нет, известные запасы иностранных ценностей необходимы для того, чтобы совершать обычные, абсолютно необходимые для нас закупки за границей. Еще большие запасы требуются для того, чтобы какие-нибудь непредвиденные случайности не застали нас неподготовленными. Например, если бы хлопок у нас не уродился, нам пришлось бы усилить ввоз заграничного хлопка. Не повредят значительные денежные запасы и в том отношении, что некоторые из наших добрых соседей должны знать, что неприятности, которые они захотели бы причинить нам, по крайней мере в первые недели не заставят нас производить суровые налоговые нажимы и не сорвут наших твердых денег. И, наконец, запасы ли золота, запасы ли заменяющих его долларов и фунтов стерлингов служат надежным обеспечением твердости наших денег, и червонца, и построенного на нем казначейского билета.

Но уже здесь возникает вопрос: как это червонец может обеспечиваться фунтами стерлингов, лежащими, скажем, в Госбанке? Очевидно, он обеспечивается в той мере, в какой, скажем, трест, покупая для себя машины в Англии, может купить на червонцы фунтов стерлингов и отправить последние в Англию. Но для этого требуется сравнительно небольшой запас стерлингов. Точнее говоря, не надо никакого запаса, так как Англия покупает у нас больше, чем мы у нее, а потому, оплачивая разницу, дает нам новые и новые миллионы фунтов стерлингов. Зачем они нам? Что делать с ними?

А дальше—еще хуже. Вдруг Макдональд захочет и сумеет сосватать нас со своими приятелями английскими капиталистами, и те ухнут по нашему Союзу хорошим займом,—так с миллиард фунтов стерлингов, т.-е. более 8 миллиардов червонных рублей. Он нас положительно убьет своим великодушием. По этому займу нам придется уплачивать ежегодно почти полмиллиарда одних только процентов. А что мы сделаем из бумажных фунтов стерлингов? Да и с золотыми было бы не лучше.

Я преднамеренно беру фантастические цифры, чтобы вопрос выступил перед читателями ясно и выпукло. Существо дела не изменяется от того, что сверх безусловно необходимых запасов иностранных ценностей иностранная торговля будет увеличивать их ежегодно не на миллиарды, а на десятки, а затем и на сотни миллионов рублей. Для чего нам эти иностранные деньги? Уж не правы ли оппозиционные экономисты, которые советовали ухнуть эти избытки за границу и превратить их в иностранные товары: отказаться от удержания активного торгового баланса и смело пойти на пассивный?

II.

Я предлагаю очень простой выход из тех ужасов, которые приносит нам активность нашего торгового баланса и в еще большей мере принес бы серьезный иностранный заем:

ВСНХ должен делать экономическую погоду.

Он должен осторожно подойти к этой задаче, но тем не менее современем должен подойти к ней.

А Наркомфин (или Госбанк,—финансово-технические различия в данной связи не играют роли), поскольку имеются действительные избытки над необходимым обеспечением твердости наших денег и над запасами на разные случайности, должен открыть кредиты на производство соответствующих опытов.

Что все это означает, выясняю на нескольких произвольно взятых примерах.

И до войны мы покрывали собственной добычей только небольшую долю нашей потребности в свинце, меди, цинке и вынуждены были в больших количествах ввозить из-за границы эти металлы, потребление которых, в особенности меди и цинка, все более возрастает с развитием современной промышленности. Что касается свинца и меди, развитие собственного добывания их имеет очень большое значение для повышения обороноспособности страны. Во многих областях нашего Союза природные условия для развития соответствующих производств в высокой степени благоприятные: Киргизская степь, Алтай, Риддер, Урал, Закавказье, частью Предкавказье обладают прекрасными месторождениями руды указанных металлов. Месторождения эти находятся либо в небольшом расстоянии от каменно-угольных залежей, либо в непосредственном соседстве с мощными источниками гидравлической силы, которые делают легко осуществимым электролитический способ добывания красного и белого металлов.

Капитал, получавший громадные барыши в других сферах, едва лишь подходил к этому делу, которому однако предстоит огромное будущее: наш Союз, при сравнительно небольших затратах, в непродолжительном времени сумел бы не только полностью покрыть собственные потребности в меди, свинце и цинке (попутно и в серебре), но и утвердить за собой влиятельное положение на мировом рынке этих цветных металлов.

Должны ли мы ждать концессионеров, которые, вне всяких сомнений, вынуждены будут притти к нам под давлением объективных обстоятельств? — или же можем кое-что сделать и сами?

Мой ответ таков: можем и должны кое-что сделать, не откладывая дела в особенно долгий ящик. Мы должны использовать первый же случай, когда у нас в запасах золота и иностранных ценностей окажется „свободных“ два — три десятка миллионов рублей.

От опытных инженеров я знаю, что десятка миллионов рублей будет достаточно, чтобы заложить прочный и жизнеспособный медный завод на Урале или Кавказе, и с десятком же миллионов рублей можно приступить к добыванию белых металлов на Алтае. Небольшие затраты потребовались бы для быстрого развития добычи на некоторых золотых приисках.

Итак, предположим, что Высшему Совету Народного Хозяйства открыт кредит в размере 10 миллионов рублей из тех сумм, которые оставила у нас активность нашего торгового баланса, и которые существуют в виде $1^1/_2$ милл. фунтов стерлингов. Эта сумма, конечно, будет затрачена не разом, а в один—два года. Часть ее, скажем, 4 милл. рублей будет затрачена за границей а оплату (фунтами стерлингов) таких предметов оборудования, производства которых почему-нибудь нельзя ожидать от нашей промышленности.

Остальные 6 милл. рублей будут затрачены внутри и потому выдаются нашими деньгами: червонцами и казначейскими билетами. Соответственно можно увеличить эмиссию (выпуск) банкнот. Они полностью, рубль за рубль, обеспечиваются остающейся неизрасходованною суммой фунтов стерлингов.

Но, скажут, добавочная эмиссия банкнот увеличит количество денег, уже находящихся в обращении, а это может угрожать понижением курса, т. е. срывом нашей твердой валюты.

Такая опасность действительно угрожала бы нам, если бы шесть миллионов рублей были выпущены, например, для повышения окладов совслужащим, работа которых не даст нам дополнительных реальных ценностей.

Насколько велика она в том случае, когда дополнительные деньги затрачиваются с производительными целями?

III.

Первым делом придется приступить к строительным работам по сооружению завода, например, на Южном Урале, по устройству гидроэлектрической станции и т. д.

Те сотни рабочих, которые будут привлечены к этому делу, за два года получать в виде заработной платы 2 милл. рублей. Они будут расходовать эти деньги на земледельческие продукты и мануфактуру, а те суммы, которые перейдут в оплату земледельческих продуктов от рабочих и крестьянам, последние в свою очередь станут расходовать на приобретение разных продуктов промышленности. Таким образом, получится толчок к расширению ряда промышленных отраслей. Каждый рубль из двух миллионов, затраченных на заработную плату, будет совершать непрерывно обороты: от рабочего к крестьянину, от крестьянина в мануфактурный магазин, оттуда в кассу треста, из этой кассы на машиностроительный завод, отсюда за донецким углем и т. д. Следовательно, каждый дополнительный рубль послужит орудием дополнительного, усиленного обращения,—дополнительного к уже существовавшему, и постольку не окажет никакого давления на курс уже обращающихся денег.

С другой стороны, это оживление будет не искусственным, не фиктивным, не бумажным, а почвенным, реальным оживлением. Ведь строительные рабочие отрабатывают каждый рубль, и не просто отрабатывают, а создают полтора-два рубля в виде сооружаемого ими завода. А затем, по истечении двух лет, завод заработает и начнет выбрасывать на рынок медь. Дополнительные деньги потребуются для ее обращения и для ряда обращений и оборотов, связанных с ее обращением. Деньгами, вырученными за медь, завод оплачивает рабочих и приобретаемые им с других заводов предметы для возобновления оборудования, каменный уголь, серную кислоту и проч.; рабочий покупает на свои деньги земледельческие продукты у крестьянина; тот затрачивает их на мануфактуру, а частично и на присоединение своего села к электро-станции и т. д., и т. п. — десятки и сотни взаимно перекрещивающихся и переплетающихся сделок, для обслуживания которых денег в количестве двух милл. рублей будет уже далеко недостаточно.

Так как сотни новых рабочих получат заработок сначала по постройке завода, а затем в его нормальный текущей работе, то безработица сократится и возрастет внутренний платежеспособный спрос на земледельческие продукты. Соответственно уменьшится наш вывоз этих продуктов, и активность нашего торгового баланса понизится в своей степени. Каждый новый шаг в собственной промышленности будет приводить к относительному (а впоследствии и к абсолютному) сокращению вывоза хлеба по сравнению с внутренним потреблением: это явление—постоянный спутник индустриализации всякой страны. Относительно, а затем и абсолютно, будет сокращаться также вывоз яиц, птицы, мяса, льна, пеньки, марганцевой руды, нефти и т. д.: с успехом делая экономическую погоду, ВСНХ будет вести к такому положению, что мы сами сумеем их потреблять и перерабатывать.

Поскольку все это так будет, в общем складе внешней торговли обнаружатся тенденции от активного к пассивному балансу. Но предполагается, что предыдущий период активности оставил у нас достаточные запасы иностранной валюты (в нашем примере забронировано специально для медного завода 6 милл. фунт. стерлингов), и потому мы можем производить необходимые закупки за границей.

А затем вновь построенный завод начнет действовать и, выбрасывая медь на рынок, соответственно сокращать наши затраты на иностранную медь. Это поведет опять к усилению актив

ности нашего торгового баланса и станет освобождать новые и новые запасы иностранной валюты в наших хранилищах.

Но, как следует из всего предыдущего, нет никаких оснований бояться этого результата,—и нет никаких оснований искать спасения от таких ужасов в „иностранной товарной интервенции", в энергичной закупке за границей предметов массового потребления. Вместо того, чтобы затрачивать свободные средства таким непроизводительным способом, в известном смысле транжирить их, в тысячу раз полезнее будет производительное использование этих средств внутри страны, на развитие нашей собственной промышленности.

Я должен признаться, что меня не особенно угнетает даже мысль о многомиллиардных займах, которые в одно прекрасное утро преподнесет нам наш приятель Макдональд или какой-нибудь добрый американский дядюшка. По каждому занятому миллиону нам придется уплачивать одних процентов 50—60 тысяч руб. ежегодно, потом к этому присоединится 30—40 тысяч рублей на погашение займа. Постольку каждый заем несет в себе тенденцию к снижению активности общего расчетного баланса, предполагает вывоз от нас, не оплачиваемый заграничными деньгами, и постольку же каждый миллион займа фактически дает нам меньше свободных средств, чем миллион рублей, осадившийся в нашем активе от превышения нашего вывоза над нашим ввозом. Значит, здесь меньше придется ломать голову над вопросом, куда его девать, как пристроить с той целью, чтобы двинуть нашу промышленность вперед.

С течением времени,—в значительной степени благодаря активной политике „делания погоды",—наша промышленность разовьется настолько, что мы захватим заметное место на мировом промышленном рынке, и наш общий платежный баланс будет активным уже не потому, что мы выбрасываем много хлеба и всяческого сырья, а потому, что вывозим большое количество фабрикатов. Наступит, наконец, такая полоса в нашем развитии, когда в интересах нашей промышленности и в интересах всего хозяйства Союза надо будет вывозить продукты промышленности за границу, не требуя их немедленной оплаты. Что тогда делать?

Да то и делать: надо будет вывозить промышленные продукты за границу, не требуя от нее немедленных платежей, т.-е. надо будет экспортировать капитал.

Это значит: надо будет нашими средствами проводить железные дороги в Турции, Персии, Китае, надо будет брать на себя оборудование в этих странах каменно-угольных копей, доменных печей, разработку руд, постройку заводов и т. д. Это надо будет делать также для того, чтобы освободить эти страны от их теперешнего глубоко трагического положения, когда каждый свой шаг на пути к развитию современной экономики они оплачивают тем, что западный и японский капитал все туже затягивает на их шее долговую петлю, все глубже закабаляет их.

Мы с радостными чувствами можем смотреть на те денежные избытки, которые приносит нам иностранная торговля. Это—реальная опора и для нашего собственного движения, и для той

активной внешней экономической политики, которая принесет освобождение наших соседей от капиталистического рабства, которая впервые поставит наши политические отношения с этими странами на реальный базис и закрепит их экономической заинтересованностью.

Такая внешняя политика, опирающаяся на экспорт капитала, будет одинаково необходима, советизируются ли соседние страны в сколько-нибудь близком будущем, или же они еще сравнительно долгое время останутся в теперешнем положении. Во втором случае эта политика—необходимое условие ослабления их рабской зависимости от иностранного капитала и, следовательно, их ускоренного движения к советизации. Во втором случае она еще более необходима, чем в первом.

IV.

Из 10 милл. рублей, находящихся в виде фунтов стерлингов и ассигнованных на организацию разработки уральских медных руд, 4 милл. рублей в фунтах стерлингов затрачено на приобретение заграничных машин, 2 милл. рублей в фунтах же стерлингов послужили обеспечением для выпуска соответствующей суммы банкнот, которые послужат для оплаты рабочих. Английской валюты остается еще на 4 милл. руб. Что делать с ними?

Они должны послужить обеспечением для эмиссии дополнительных банкнот еще на 4 милл. рублей, которые пойдут на приобретение с заводов Союза таких предметов, как кирпич, цемент, стекло, кровельное железо, стальные балки, кирки, вагонетки, рельсы для подъездных узкоколеек и т. д. Эти деньги, представляя дополнительный реальный спрос,—реальность которого определяется производительным предназначением строящегося завода,—поведут к расширению производства на целом ряде заводов. Постольку они произведут на них, на земледелие и т. д. такое же действие, с которым мы уже познакомились, изучая путь двух миллионов, затраченных на заработную плату, и такое действие, как выпуск на рынок меди, добытой на новом заводе.

Но вот здесь-то мы и наталкиваемся на те реальные границы, которые объективными условиями ставятся „деланию экономической погоды" через ВСНХ. Он не может творить промышленное оживление из ничего. Наркомфин сорвал бы всю денежную систему и бросил бы всю промышленность в жесточайший кризис, если бы ему пришла в голову блажная мысль „оживлять" нашу промышленность нерасчитывающим и неучитывающим печатанием банкнот.

При „делании погоды" необходимо исходить из строжайшего учета существующих реальных возможностей; из данного состояния наших производительных сил и из данного распределения их между различными отраслями. Вопреки известным воззрениям Туган-Барановского, не прилив или отлив денежного (или, еще уже, но и ближе к его воззрениям: кредитного) капитала, а состояние и соотношения производственного капитала являются действительным базисом промышленных коньюнктур и возможностей.

Миллионы дополнительных банкнот ничему не помогут, если не будет в срок тех вагонеток и машин, которые червонцами должны быть передвинуты на строяшийся медный завод, если не будет той дополнительной стали, которую они должны перебросить на машиностроительный завод, и если не будет того чугуна и угля, в котором нуждается дополнительное производство стали. Ненужные для передвижения товаров дополнительные червонцы окажутся избытком над действительными потребностями обращения и всей своей массой произведут понижательное действие на их общий курс. Твердая валюта будет сорвана и разрушена.

Конечно, с течением времени производительные силы вырастут и по-новому перераспределяться между различными отраслями промышленности. Но мы, во всяком случае, должны исходить из существующих пропорций и из того соображения, что должны рассчитывать на более или менее постепенные сдвиги в этих пропорциях. Иначе нам угрожала бы та опасность, что заказы не будут выполнены в безусловно необходимый срок, что другие заказчики и покупатели будут обмануты в своих рассчетах, а это нанесет удар соответствующим отраслям, откуда задержки и перебой распространятся на всю область промышленности, а затем ударят и по земледелию. Вместо оживления экономики, будет обеспечен жестокий кризис и развал, вместо желанной „весны“, будет сделана суровая экономическая „осень“ или „зима“.

Я думаю, что наиболее подходящими для первых „опытов“ окажутся новые для нас отрасли, в которых производство еще надо создать и сбыт для которых можно считать обеспеченным. Сюда относятся, например, добывание „белых металлов“ (свинца, цинка), в значительной степени меди, но затем и производство целлюлозы с примыкающими к нему производствами (напр., бумаги). Для устройства этих производств придется сделать значительные закупки за границей (приобретение машин и вообще предметов оборудования).

Конечно, эти производства должны создаваться (или возрождаться) с самого начала в наиболее совершенных, европейских или американских технических формах. Тогда они сумеют и без каких-либо искусственных мер утвердиться на внутреннем рынке, а затем начать постепенное выступление на мировой рынок, где общая коньюнктура для них очень благоприятная.

Нам здесь не обойтись без привлечения опытных иностранных инженеров, а на первых порах и квалифицированных иностранных рабочих. Вообще надо будет строить не по кустарному, без излишней спешки и торопливости, но серьезно, прочно и основательно.

По всей вероятности, в данной связи не следует пренебрегать и „желтым металлом“, золотом, особенно в тех случаях, когда относительно небольшие затраты способны оправдаться в довольно короткое время. А у нас такие возможности в некоторых областях золотодобывающей промышленности несомненно имеются. Но и в этом случае рациональнее всегда будет не подновлять старинку, а строить по-новому, что предполагает, между прочим, и приобретения за границей предметов оборудования, и привлечение иностранных техников.

Есть все основания ожидать, что в некоторых из отмеченных отраслей мы, не дожидаясь иностранных концессионеров, достаточно быстро и с относительно небольшими затратами получили бы достаточно удовлетворительные результаты и для этих отраслей, и для всей нашей промышленности.

Однако мне думается, что нам незачем стойко воздерживаться от осторожного перенесения „опытов“ делания экономической погоды в такие захудалые и заброшенные отрасли нашей промышленности, как тяжелая металлическая промышленность. Конечно, оживление тех отраслей, на которые мы, согласно предыдущему, направим все свое внимание, косвенно, но в многоразличных направлениях, отразится и на ней. Но на этом нельзя останавливаться. Целый ряд соображений говорит за то, что из существующих отраслей промышленности мы должны для проложения новых капиталов избрать прежде всего такие, которые наиболее отстали, которые надо наиболее подправить и подтянуть. А крупная металлургическая промышленность находится именно в таком состоянии.

С этой точки зрения большого внимания заслуживает, например, речное и морское судостроение. За фрахты мы переплачиваем иностранным судовладельцам крупные суммы, которые могли бы пойти на пользу нашей промышленности. Речные же транспортные средства справляются только с небольшой долей необходимейших перевозок.

При выборе сфер приложения нового капитала вообще следует считаться с такими соображениями: необходимо, чтобы от этих сфер движение как можно быстрее передавалось целому ряду других производств, доставляющих материалы и предметы оборудования для создаваемых или расширяемых производств; необходимо, чтобы эти сферы играли или способны были играть значительную роль в общей экономике страны; желательно—в особенности на первых порах, когда наши свободные ресурсы так ограничены и только условно могут считаться свободными,—чтобы период оборудования новых производств не был слишком продолжительным, чтобы первый приступ к делу, первые затраты на него и появление его продуктов на рынке разделялись относительно небольшим промежутком времени.

При соблюдении этих условий, при надлежашем учете наличных производительных сил, всякая рациональная затрата на расширение последних быстро оправдает себя. Она послужит новым приводом ремнем, который сообщит ускоренное движение соприкасающимся с нею отраслям промышленности и земледелию, от них жизнь и движение передается дальше, — и вся наша экономика будет пульсировать ускоренным темпом.

В деле финансирования начинаний ВСНХ значительные затруднения будут создаваться существом нашей денежной системы. По своей основной единице, по мерилу стоимости и по величайшей солидности металлического обеспечения, она—монометаллическая золотая система. Она—золотая система и в том смысле, что казначейские билеты и банкноты фактически являются не бумажными деньгами в точном значении слова, а кредитными деньгами и что они с большой легкостью обме-

ниваются на иностранную валюту по твердому курсу, если дело идет об устойчивых иностранных валютах. Но так как золото фактически не вступает во внутреннее обращение, то приходится действовать ощупью при определении того предела в эмиссии банкнот и казначейских билетов, за которым угрожала бы опасность инфляции, т. е. превышения той суммы денег, которую способно поглотить обращение без понижения курса денег. Именно потому, что нет надежного автоматического регулятора, наше финансовое ведомство вынуждено действовать с величайшей, в некоторых случаях, вероятно, с чрезмерной осторожностью и, быть может, иногда сжимать размеры эмиссии больше, чем требуют объективные обстоятельства. А это не может не отразиться на его отношениях ко всякой попытке ВСНХ расширить свою производственную программу. Действительный выход из этого тягостного положения, думается мне, способно дать только введение во внутреннее обращение действительного золота в таком количестве, чтобы прилив и отлив денег чутко следовал за действительными потребностями коммерческого оборота. В противоположность некоторым представителям бывшей оппозиции, я думаю, что в интересах нашего промышленного развития нам придется сделать этот шаг, и что после стабилизации нашей денежной единицы его сделать нетрудно, опираясь, между прочим, и на активы, оставленные внешней торговлей.

При условии внимательного учета, при надлежащем закреплении финансовой базы, при правильном выборе первоначальных направлений „экономического наступления", при известной решительности, даваемой знанием реальных соотношений нашей экономики, ВСНХ с большой надеждой на успех мог бы приступить к „деланию погоды".

Он должен сделать этот шаг, он не может откладывать его на неопределенное время.

Иностранная жизнь.

А. Стецкий.

„Оздоровление" Германии.

Осенью прошлого года опасность пролетарской революции заставила германскую буржуазию энергично взяться за „оздоровление" страны. В первую очередь ею ставится задача политического „оздоровления", т. е. устранения той непосредственной опасности, которая грозила со стороны рабочего класса. Для выполнения этой задачи пускаются в ход белый рейхсвер, генеральская диктатура и исключительное положение. Вместе с тем, меняется внешняя политика: Германия признает вторую „пассивную" войну проигранной и сдается на милость Пуанкаре. Политика сопротивления сменяется политикой выполнения.

Усмиряя рабочий класс методами военной диктатуры, германская буржуазия вместе с тем проводит целый ряд экономических мероприятий, которые должны были ослабить хозяйственный кризис, поставивший страну на грань революции.

Стабилизация марки, отмена восьмичасового рабочего дня и снижение заработной платы—должны были экономически „оздоровить" страну и тем самым устранить основную причину революционного кризиса.

Попытаемся исследовать эти экономические мероприятия и выяснить, насколько буржуазии удалось выполнить задачу „оздоровления" и восстановления нарушенного равновесия капиталистического хозяйства Германии.

Стабилизация марки.

Огромные расходы по поддержке сопротивления в Руре, а затем и все общегерманские расходы германское правительство покрывало путем выпуска бумажных денег. Однако, наивно было бы думать, что причиной фантастической германской эмиссии была горькая нужда капиталистической Германии. В этой эмиссии, в постоянном падении курса марки были кровно заинтересованы капиталистические магнаты. Эмиссионный налог ложился на тех, кто не имел в своих руках реальных ценностей и твердой иностранной валюты, т. е. в первую голову на рабочих и служащих, а затем—на мелкую буржуазию, на мелких рентьеров. Что касается Стиннесов, то денежная эмиссия дала им возможность не только возложить на эти слои все бремя государственных расходов, которые под конец на все 99,3% покрывались путем эмис

сии, не только свести к минимуму на издержки производства, жел.-дор. перевозок и пр., что позволило им успешно конкурировать на внешнем рынке своим „бросовым“ экспортом, но и попросту экспроприировать слои мелкой буржуазии и рентьеров. Отсюда упорное сопротивление капиталистических магнатов всем попыткам приостановить падение марки весной прошлого года.

Однако, осенью дальнейшее продолжение эмиссии становилось невыгодным и опасным для германской буржуазии. Те слои, которым приходилось расплачиваться за эмиссию, разгадали, в конце-концов, механику эмиссионной политики, позволявшую перекачивать расходы из их карманов в карманы капиталистических акул и в государственную кассу. Падающая марка из средства покрытия расходов государства и обогащения Стиннесов превращалась в фактор революции. Ее ежедневное падение подогревало революционное настроение в стране. Вместе с тем, марка достигла такой глубины падения и такого темпа, что являлась угроза окончательного разрыва всех связей капиталистического хозяйства. В стране начался стихийный переход к твердому золотому исчислению и к замене падающей марки всякого рода устойчивыми денежными суррогатами и иностранной валютой. Марка была использована, таким образом, до конца, и перед правительством был поставлен во всей остроте и неотложности вопрос о денежной реформе.

Условия, в которых проводилась эта реформа, были, можно сказать исключительными. Наша денежная реформа проводится в условиях хотя и постепенного, но неуклонного подъема народного хозяйства, роста продукции и промышленности и сельского хозяйства, роста товарооборота. К проведению реформы в Германии было приступлено в момент неслыханного глубокого хозяйственного кризиса: ноябрь-декабрь, месяцы проведения реформы, являются рекордными в отношении сокращения продукции, роста цен и кризиса сбыта. У нас реформа была начата после основательной подготовки, лишь после того, как удалось наладить поступление налогов, достигнуть известного равновесия между доходами и расходами, отодвинуть эмиссию, как источник доходов на задний план. Германское правительство берется за реформу при ужасающем дефиците в государственном бюджете. В последнюю десятидневку ноября прошлого года (разгар проведения реформы) государственные доходы составляли 15,1 миллионов зол. марок, расходы 258,7 миллионов, а дефицит—243,6 миллионов золотых марок. Поступления представляли, таким образом, лишь 6% расходов. При таких хозяйственных условиях и при таком состоянии бюджета денежная реформа являлась предприятием в высшей степени отчаянным. Если германская буржуазия решалась итти на эту реформу, то лишь потому, что предшествовавшая политика завела ее в тупик, из которого другими средствами выбраться было нельзя.

Основными элементами денежной реформы были: отказ правительства от эмиссии в целях покрытия дефицита, стабилизация старой бумажной марки и организация нового рентного банка, с правом эмиссии банкнот. В последнем—центр тяжести реформы. Банкноты рентного банка составляют теперь основу новой германской валюты, а кредиты этого банка дали правительству возможность покрывать в первые месяцы дефицит, отказаться от использования для этой цели эмиссии и стабилизировать старую бумажную марку, приведя ее в твердое соотношение с рентной маркой и с иностранной валютой.

Рассмотрим эту сторону реформы. Новый рентный банк независим от правительства. В его учреждении участвуют представители сельского хозяйства, промышленности, торговли и банков. Капитал банка в размере 3.200 миллионов марок состоит не из золота и не из реальных ценностей, а из долговых обязательств, которые вносят представители перечисленных групп, при чем одна половина этой суммы вносится представителями сельского хозяйства, другая половина—представителями промышленности, торговли и банков. На всю сумму долговых обязательств, т.-е. на 3.200 миллионов марок банк составляет закладные 5% листы и, пользуясь ими, как покрытием, выпускает в обращение свои банкноты—рентные марки.

Банк должен был выдать правительству 300 миллионов марок в качестве беспроцентной ссуды и затем, в течение 2-х лет, предоставлять 6% кредит в 900 мил. рентных марок.

Что же представляет собою рентная марка? Ее отличие от прежней бумажной марки состоит в том, что ее эмиссии поставлены известные пределы, она—по закону—не может превышать суммы, имеющихся в банке долговых обязательств (ипотек), т.-е. 3.200 миллионов марок. Однако, при большом дефиците, при острой нужде государства в средствах, всегда можно ожидать, что правительство само нарушит этот закон и теми или другими средствами заставит правление банка перешагнуть через поставленные эмиссии границы. Что такого рода возможность существует, показывают неоднократные попытки министра финансов Лютера получить в банке добавочные кредиты после того, как правительство в течение 2-х месяцев израсходовало не только 300 мил. беспроцентной ссуды, но и почти целиком, те 900 мил., которые оно должно было расходовать в течение 2-х лет. Поэтому опасность новой инфляции лежит черной тенью и на новой рентной марке с самого момента ее появления.

Несмотря на свое родство с прежней бумажной маркой, рентная марка была в общем с доверием принята оборотом в качестве твердой валюты. Правда, предшествовавшая практика эмиссии, состояние хозяйства. Причина такого благоприятного приема реформы лежит в другой области. Доверие и стабилизация валюты явились следствием доверия и стабилиции капиталистических отношений. Это последнее было укреплено поражением рабочего класса, введением белой диктатуры и начавшимся под ее прикрытием наступлением капитала на рабочий класс, наступлением, которое окрыляло надежды на ослабление хозяйственного кризиса.

Интересно отметить, что денежная емкость рынка сразу возросла в несколько раз с введением новой твердой валюты. В октябре ценность всей бумажно-денежной массы составляла около 416 мил. золотых марок, с суррогатами около 600 мил. зол. марок. В

конце же декабря, после проведения реформы, по сообщению министра финансов Лютера в обращении было:

Банкнот Рейхсбанка	400 милл.	золотых марок.
Рентных марок	1.200 „	„ „
Мелких купюр зол. займа	300 „	„ „
Суррогатов	500 „	„ „
Всего	2.400 милл.	золотых марок.

По сообщению стиннесовской „Дейтше Альгемайне Цайтунг" от 14/III—24 г. к этому времени в обращении находилось уже 2.600 милл. марок. Таким образом, количество денег в обращении после реформы увеличилось больше чем в 4 раза. Это увеличение количества произошло, повидимому, за счет уменьшения той молниеносной скорости, с какой обращалась прежняя падающая марка.

Реформа финансов и налоговая политика.

Такое состояние бюджета, при котором налогами покрывалось лишь от 1% до 6% государственных расходов, было явно несовместимо с проводившейся денежной реформой, с переходом на твердую валюту. Оно должно было заставить правительство снова прибегнуть к эмиссии и тем сорвать денежную реформу. От этой опасности германское правительство спасается первые месяцы реформы кредитами Рентного банка, покрывая при помощи их колоссальные месячные дефициты. Вместе с тем, правительство направляет свои усилия к тому, чтобы привести бюджет в более нормальный вид. Эту задачу оно стремится выполнить, подходя с обоих концов бюджета: и со стороны доходной части и со стороны расходной части.

Что касается первой части, то здесь правительство принимает целый ряд мер, чтобы повысить поступления в казну: налоги уже в октябре—ноябре переводятся на золотое исчисление; разрабатывается целый ряд правительственных распоряжений, вводящих новые или видоизменяющих старые налоги; подоходный, налог на наследства, на биржевой оборот и проч. В общем, правительству приходится почти заново воссоздавать всю налоговую систему. Какова классовая сущность этой системы, создавшейся под прикрытием генеральской диктатуры, увидим далее.

Вместе с тем, правительство принимает ряд мер к сокращению государственных расходов. Прекращение поддержки пассивного сопротивления в Руре сняло значительное бремя с государственного бюджета. Однако, одного этого было недостаточно для того, чтобы создать хотя бы приблизительное равновесие бюджета. Содержание железных дорог, которые при смехотворно низких тарифах, составлявших для промышленников одно из основных условий их дешевого бросового экспорта, работали фактически за счет государства,—составляло вторую большую статью расходной части бюджета. Германскому правительству, в целях уменьшения дефицита, приходится отказаться от удовольствия оказывать капиталистам эти даровые услуги: железные дороги переводятся сначала на твердое исчисление, а затем и совсем снимаются с государственного бюджета и переходят на хозрасчет. На хозрасчет переводятся также почта и телеграф.

Завершением всех этих мер по сокращению государственных расходов явился план уменьшения государственного аппарата: правительство решило выкинуть за борт армию в 500.000 служащих и рабочих государственных учреждений и предприятий. Этот план начал энергично проводиться с января, при чем за первые полторы недели было сокращено 52.000 человек. Эта мера дополнялась увеличением рабочего дня для оставшихся, уменьшением жалованья и заработной платы, перенесением сроков выплаты из одного месяца в другой.

Посмотрим, каких результатов добилось германское правительство своей политикой оздоровления финансов. Официальные отчеты министерства финансов дают следующую картину состояния бюджета после проведения реформы [1]):

В миллионах золотых марок.

	Декабрь.	Январь.	Февраль.
Доходы	164,5	440,8	340,1
Расходы	499,4	442,7	478,6
Дефицит	—334,9	—1,9	—138,5

Нельзя отрицать, что германскому правительству удалось достичь некоторых успехов в своей финансовой политике; во всяком случае, выбраться из того катастрофического положения, в котором оно находилось несколько месяцев назад. Поступление доходов значительно повысилось, и, если рассматривать движение доходов по десятидневникам, то это повышение поступлений пока продолжается систематически; расходы несколько сократились. Однако, дефицит остается весьма значительным, несмотря на то, что в эти отчетные месяцы Германия находилась в сравнительно благоприятном положении, ей фактически почти не приходилось выполнять своих обязательств по отношению к Антанте.

На чьих плечах строится новая финансовая система? На этот вопрос дают ответ развернутые цифры государственных доходов за февраль этого года, опубликованные в „Die Rote Fahne" от 20/III—24 г. Государственные доходы складываются из поступлений от налогов на заработную плату, подоходного налога, налогов на оборот, на общества, на биржевой оборот и векселя, наконец, из пошлин и специального рурского налога. Что касается социально-классового распределения этих налогов, то на рабочих падает прежде всего налог на зарплату; налоги на оборот и пошлины точно так же в конечном счете перекладываются на широкие слои населения, т.-е. в Германии, главным образом, на рабочих и служащих. Налоги подоходный, на векселя, на биржевой оборот и точно так же некоторые единовременные отчисления, падают, главным образом, на класс капиталистов. Подведем цифровые итоги налоговым долям рабочих и буржуазии.

1) „Д. А. Z." от 7 марта 1924 г.

Доля рабочих и служащих.

Налог на зарплату	64 миллиона зол. марок.
Налог на оборот	103 " " "
Добав. налог на оборот	6 " " "
Пошлины	63 " " "
	236 миллионов.

Доля буржуазии.

Подоходный налог	66,5 миллионов.
Налог на общества	27,0 "
Налог на биржев. оборот и векс	37,0 "
Единовременные налоги с отчислением	28,0 "
	158,5 миллионов.

Таким образом, в то время, как трудящиеся массы выплачивают ежемесячно государству около 236 миллионов золотых марок, буржуазия выплачивает лишь 158,5 миллионов, т. е. 60% суммы, извлекаемой из пролетарских слоев. Эти цифры лучше всего говорят о том, за чей счет производится оздоровление государственных финансов Германии. Они же показывают, что буржуазия ничуть не изменила своей политики прошлого года и лишь проводит ее другими методами. Политика покрытия государственных расходов путем эмиссии, падавшей своей тяжестью исключительно на слои рабочих, служащих и мелкой буржуазии, сменилась политикой выжимания средств из тех же слоев при помощи налогового пресса.

Ликвидация 8-часового рабочего дня и снижение заработной платы.

К осени прошлого года наступает конец того промышленного оживления, которое наблюдалось в Германии в течение последних лет. В нашей прессе не раз указывалось на искусственный характер этого видимого промышленного расцвета. Он тесно был связан с падающей валютой, налоговой и железнодорожной политикой Германского правительства.

При падающей валюте один факт разницы между внутренней покупательной способностью марки и ее курсом на иностранных биржах давал огромное преимущество германским экспортерам. Сверх того, падающая валюта снижала до минимума некоторые издержки производства, как например, расходы на заработную плату и до нуля — накладные расходы, связанные со всякого рода налогами. Точно так же до минимума сводились и расходы по железнодорожным перевозкам, благодаря политике баснословно-низких тарифов, делавших железные дороги весьма убыточными для государства и очень выгодными для германских капиталистов. Дешевизне германских товаров способствовала и дешевизна рурского угля. Все эти условия позволяли германским промышленникам держать цены на свои фабрикаты значительно ниже средних цен мирового рынка и благодаря этому находить легкий сбыт своим товарам.

Осенью с переходом от бумажно-денежного исчисления к золотому, а затем с переходом к твердой валюте — положение быстро и резко меняется. Все те элементы издержек производства, которые сводились на-нет падающей валютой, получают теперь реальное значение и снова становятся фактором образования цен.

Новый курс финансовой политики делает реальными величинами налоги и акцизы. Перевод железных дорог на хозрасчет взвинчивает сразу железнодорожные тарифы. Уголь дорожает, так французы начинают накладывать на вывозимый из Рура в неоккупированную Германию уголь — пошлины. Все это вместо взятое дает колоссальный толчок росту цен, которые поднимаются выше цен мирного времени и выше среднего уровня цен мирового рынка.

Журнал „Wirschaft und Statistik" дает следующую картину движения индекса оптовых цен в Германии в конце прошлого года:

1923 г.

1913 г.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.
100	85,8	101,7	117,9	139,9	126,2

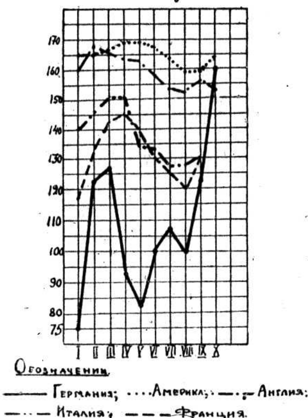
Таким образом, уровень цен в Германии, бывший в августе ниже уровня мирного времени на 15%, превысил последний в ноябре на 40%.

Из „Die Wirtschaftskurve der Frft. Z." взята нижеследующая таблица, показывающая движение индекса германских оптовых цен по сравнению с индексами других стран.

Таблица доведена лишь до 1-го ноября прошлого года. Так как в ноябре происходил еще значительный рост цен, то кривая индекса германских оптовых цен должна была подняться по вертикали еще выше и обогнать кривую Америки. Это движение цен при обнищании широких слоев населения Германии вызвало острый кризис сбыта внутри страны. Вместе с тем оно обозначило конец дешевого германского экспорта. И, действительно, подъем цен быстро отражается на экспорте. Следующая таблица, взятая из выше цитированного номера „Wirtschaft und Statistik" показывает по месяцам движение германского ввоза и вывоза в миллионах золотых марок.

	1923 г.	1923 г.			1924 г.
	Ежем.	X.	XI.	XII.	I.
Ввоз	933	435,7	434,0	492,0	568,0
Вывоз	843	564,8	514,0	561,0	431,0

Индекс оптовых цен важнейших капиталистических стран в 1923 г.
(Вычислен по довоенной валюте 1913 г. = 100°)



Таким образом, ввоз систематически возрастает из месяца в месяц, а вывоз с колебаниями сокращается. Активный торговый баланс прошлого года начинает сменяться пассивным торговым балансом. Эта перспектива сокращения вывоза, связанная с кризисом сбыта внутри страны, создала новые большие затруднения для германской буржуазии. Вопросы внешней торговли всегда имели первостепенное значение для германии, как промышленной страны. Германия должна вывозить для того, чтобы иметь возможность закупать сырье для своей промышленности. Теперь вопрос экспорта приобретает еще большее значение: Германия должна вывозить для того, чтобы иметь возможность выполнять свои репарационные обязательства. Ликвидация этого кризиса экспорта и кризиса сбыта внутри страны являлась поэтому вопросом жизненной необходимости для капиталистической Германии. Она могла произойти только путем возврата к прежним дешевым ценам. Но как вернуться к этим дешевым ценам? Денежная реформа закрыла путь использования для всей этой цели падающей валюты. Задача достижения бюджетного равновесия исключает возможность пользоваться бесплатно услугами железных дорог и государственных учреждений.

Поэтому буржуазия выставляет новую и вместе с тем старую как сам капиталистический мир программу: цены должны быть снижены за счет рабочего класса: рабочий должен больше трудиться и довольствоваться меньшей заработной платой для того, чтобы сделать германскую буржуазию снова конкурентноспособной на мировом рынке. От прежних „тонких“ методов эксплоатации рабочих буржуазия переходит, таким образом, к методам простого и грубого давления на рабочий класс с целью изменить рабочий день, понизить заработную плату и тем самым удешевить германские фабрикаты.

Эта программа находит энергичную поддержку в германском правительстве. Любопытно в этом отношении письмо министра финансов Лютера к министру труда, опубликованное в двадцатых числах января. В этом письме Лютер требовал от министра труда не более не менее, как активного вмешательства в отношения между капиталистами и рабочими в целях снижения заработной платы и увеличения рабочего дня.

„Оздоровление финансового положения государства,— говорилось в этом письме, может быть достигнуто в конечном счете только тогда, когда и частное хозяйство путем соответствующей нужде политики заработной платы (т. е. ее понижением) вызовет

понижение цен и повышение сбыта, которое сделает его жизнеспособным и позволит ему конкурировать на мировом рынке“.

С начала декабря отменой 8-ми часового рабочего дня начинается проведение в жизнь этой программы. 8-ми часовой рабочий день не был санкционирован в Германии специальным законом, а лишь одним из правительственных демобилизационных распоряжений 1918 г. В декабре прошлого года германское правительство, воздав честь 8-ми часовому рабочему дню и оставив его, как „принцип“, отменяет его обязательность. Оно предоставляет право при заключении доворов между капиталистами и рабочими удлинять рабочий день сверх 8-ми часов, при чем, если рабочий день удлиняется до 9-ти часов, то за лишний час рабочий получает плату как за обычный час; лишь при удлинении рабочего дня сверх 9 часов рабочие получают за эти добавочные часы плату, как за сверхурочные.

Тотчас по опубликовании этого постановления промышленники начинают кампанию пересмотра договоров с профсоюзами с целью увеличения рабочего дня. За одно они стараются провести повсюду и снижение заработной платы. Для того, чтобы облегчить себе это предприятие, они стремятся вогнать клин между отдельными категориями рабочих: между обученными и необученными, старыми и молодыми, ставки которых были значительно сглажены во время революции. В некоторых округах (в Берлине, Руре, Бадене—среди металлистов, в приморских городах—среди торговых рабочих и рабочих верфей) капиталисты наталкиваются в своих попытках ликвидировать 8-ми часовой рабочий день на ожесточенное сопротивление рабочих. Конфликты приводят к применению самых острых мер экономической борьбы как с той, так и с другой стороны: стачек и локаутов. Эти столкновения, начавшиеся в конце декабря, продолжаются в январе, феврале и марте почти по всей Германии. Эта борьба, однако, оканчивается неудачей германских рабочих. Сдавленные тисками военной диктатуры, предаваемые профсоюзами, поддерживающими политику капиталистического „оздоровления“, имея за своей спиной колоссальную армию безработных — рабочие оказываются в большинстве случаев не в состоянии противостоять натиску капитала. 8-ми часовой рабочий день ликвидируется почти по всей Германии.

В заключение приведем для характеристики положения рабочих маленькую таблицу относительно почасовой оплаты берлинских рабочих в январе этого года, взятую из стиннесовской газеты „Д. А. Z.“ от 13/III—24 г.

	1912 г.	1924 г.	% к 1913 г.
Каменщики	82 пф.	63 пф.	76%
Машиностроительные рабочие	78 „	61,9 „	78%
Вспомог. строительные рабочие	57 „	56 „	98%

Из цифр, даваемых стиннесовской газетой, которую никак нельзя упрекнуть в пристрастии к рабочим, видно, что номинальная заработная плата берлинских рабочих держится сейчас на уровне 76—80% довоенной; что касается реальной заработной платы, то ее, учитывая падение покупательной способности марки, можно считать не более 60% довоенной.

Итоги.

Каковы же результаты пятимесячной „оздоровительной“ политики германской буржуазии?

Мы уже видели, что несмотря на все усилия германскому правительству не удалось достигнуть решающих успехов в финансовой реформе; ей не удалось установить бюджетного равновесия и устранить дефицит. Такое положение все время угрожает срыву денежной реформы. Поэтому, для того, чтобы обеспечить твердую валюту по крайней мере для избранных: для крупно-капиталистических слоев и для экспортеров, германское правительство проектирует устройство золотого банка с участием иностранного капитала. Этот проект фактически обозначает передачу твердой валюты Германии в руки иностранного капитала.

Экономическое наступление капиталистов на рабочий класс дало некоторые результаты в смысле некоторого понижения цен, что вызвало расширение рынка и, начиная с января, известное оживление промышленности. Однако, кризис продолжает оставаться острым. Количество безработных достигает 5 миллионов человек.

Не решены и проблемы, имеющие решающее значение для капиталистической Германии. В порядке дня стоит репарационный вопрос, Германия снова перешла к политике „выполнения“ и не сегодня-завтра ей придется начать уплату по ее обязательствам Антанте. В какой бы форме ни совершалось это выполнение: в форме уплаты репарационных платежей, подобно тому, как в прошлые годы, — в форме передачи железных дорог и части промышленности антантовскому капиталу, — без серьезных потрясений это дело для Германии не обойдется.

Не решен вопрос экспорта. Несмотря на снижение цен, экспорт продолжает сокращаться, так как уровень цен продолжает оставаться на высоте, делающей невозможным этот экспорт в прежних размерах. Для того, чтобы его увеличить, у германской буржуазии два средства: или усилить еще больше давление на рабочий класс, или прибегнуть снова к практике падающей валюты. Последние сообщения из Германии, говорящие о намерениях некоторых крупнопромышленных кругов снова подтолкнуть марку—показывают, что эта возможность не исключена. В таком случае, Германии придется еще раз проделать прошлогодний путь со всеми его последствиями.

Главное же заключается в том, что вся система „оздоровления“ строится на спине рабочего класса. Политика оздоровления“ сопровождается чрезвычайным обострением классовых противоречий. В прошлые месяцы рабочий класс, деморализованный октябрьским поражением, не смог оказать сильного сопротивления наступлению капитала. Последние сведения указывают, что положение в этом отношении начинает меняться. По всей Германии снова развертывается полоса стачек: рабочий класс встанет на ноги и приступит с новыми силами к борьбе. Эта борьба поставит под вопрос не только систему „оздоровления“, но и капиталистическую систему Германии вообще.

М. Н. Рой.

Индия и английское рабочее правительство.

Общеизвестный факт, что английское рабочее правительство пришло к власти не благодаря своей парламентской мощи, а по милости либеральной партии. Без поддержки либералов кабинет Макдональда не смог бы прожить и одного дня. И действительно, Макдональд взял на себя ответственность по образованию рабочего правительства лишь после того, как либералы заверили его, что они не только будут голосовать за его поправку к речи короля, но и поддерживать правительство, пока оно будет у власти.

Эту скрытую коалицию не удалось бы провести только из-за прекрасных глаз Макдональда. Стремление либералов свергнуть консерваторов не было настолько сильным, чтобы заменить этих последних правительством „социалистов“. Макдональду пришлось дорого заплатить за эту скрытую коалицию, которая сделала возможным его пребывание в доме № 10 по Даунинг-стрит [1]).

Цена, которой была куплена весьма сомнительная поддержка либералов, была очень высока. Этот факт не всеми учитывается. Та часть Лэйбор-парти, которая не допускала открытой коалиции с либералами, была бы очень изумлена, если бы только подумала о том, как много было принесено в жертву из рабочей программы.

Налог на капитал и национализация копей,—таковы были два принципа, составлявшие отличие программы Лэйбор-партии от программы либералов. Эти принципы были без всяких околичностей вычеркнуты из области практической политики. Тот самый Сноуден, который несколько недель назад заявлял, что без налога на капитал не удастся спасти народное хозяйство Великобритании, сегодня, в качестве министра финансов, с неменьшим энтузиазмом работает над задачей спасения британского капитализма без налога на капитал. Вопрос о национализации оказался забытым как-раз в самое подходящее время. Обязанности Ходжеса в адмиралтействе не позволяют ему ломать себе голову над другими вопросами. Радикализм Смайли очевидно ослабел с годами или же Смайли изумлен быстрым ходом событий, вызываемых „интеллигентами“ в рабочем движении. Как бы то ни было, от национализации пришлось отказаться, потому что этого требовали либералы. Они не позволили бы никакой игры со „священным правом собственности“.

[1]) Улица где помещается дом английского премьер-министра. Ред.

В дополнение к большим уступкам, которые Макдональд сделал в области внутренней политики, ему пришлось также дать гарантию, что он не предпримет ничего такого, что хоть сколько-нибудь могло бы ослабить Британскую империю. При этом он принес в жертву два своих наиболее драгоценных принципа, а именно; разоружение и самоопределение. Разумеется, он не сознается в том, что эти принципы принесены в жертву. Фактически он все еще разглагольствует о разоружении и самоопределении. Но то же самое делают и Ллойд-Джордж и Асквит. Военная мощь Британской империи останется неослабленной и при режиме Лэйбор-парти. В своей программной речи в парламенте Макдональд заявил, что вопрос о разоружении будет обсуждаться таким образом, чтобы нисколько не ослабить оборонительных сил страны.

Что касается принципа самоопределения, то Макдональд забыл о своих собственных словах точно так же, как и первосвященник этого культа, покойный Вудро Вильсон. Даже до прихода власти Макдональд устами своего коллеги Дж. Томаса неоднократно весьма недвусмысленно намекал, что под эгидой рабочего правительства империя будет находиться в полной безопасности. Теперь он поставил этого Томаса (который, по его собственным словам, любит империю и гордится ею) во главе министерства колоний, проникнутого духом Уинстона Черчиля и герцога Девонширского, бывшего министра колоний.

Мистер Макдональд поступил с тремя китами Британской империи: Индией, флотами и воздушными силами так мудро, что вполне заслужил одобрение „Таймс". На другой день после сконструирования рабочего кабинета „Таймс", этот рупор империализма, поздравлял Макдональда со счастливым подбором чиновников на эти три имеющих жизненное значение для империи поста. И действительно, подбор лиц, назначенных на посты заведующих министерствами по делам Индии, воздушной обороны и админиралтейством изумили всех, кто питал еще какие-нибудь иллюзии по отношению к „рабочему правительству", возглавляемому Рамсеем Макдональдом.

Опытный администратор колоний сэр Сидней Оливьер был назначен статс-секретарем по делам Индии; лорд Чельмсфорд, прославившийся своими действиями в Амритсаре[1]) и не являющийся членон Лэйбор-парти, стал главой адмиралтейства, а выдающийся представитель военной клики генерал Томсон был назначен „хранителем" воздушного флота, этого будущего стержня всякой армии.

Так как буржуазии было разрешено выставить своих часовых в крепости рабочего правительства, то она и выставила их в трех важнейших пунктах. Томас оказался вполне надежным для того, чтобы ему можно было поручить управление „самоуправляющимися" колониями. Он—ярый сторонник развития империи он выступает за британские вклады не только в виде капитала, но и в виде рабочей силы для эксплоатации „неистощимых богатств наших роскошных владений".

[1]) В 1918 г. в г. Амритсаре было произведено избиение и растрел с аэропланов мирной толпы демонстрантов. Ред.

Макдональд, однако, не все учел, принося эти жертвы,—по крайней мере, в одном отношении. Являясь избранным главой британской Лейбор-парти, он призван по своему благоусмотрению искажать ее программу,—при условии, конечно, что его паства примирится с таким искажением.

Но либеральный смысл веры Макдональда, в частности, учение о самоопределении, являющееся его принципом, создало ему поклонников даже в среде вождей индийского национализма. Они с надеждой взирали на приход Макдональда к власти, видя в этом начало эры, когда в Индии будет проведен в жизнь принцип самоопределения. Одна из жертв, которую принес Макдональд либералам при своем приходе к власти, выразилась, однако, в том, что он выбросил за борт своих индийских поклонников. При этом он расплачивался монетой, которая ему не принадлежала. Индийские националисты не уполномачивали его истолковывать в своих интересах стремления индийского национализма и не признавали за ним привилегии высокомерно диктовать им линию поведения. Поэтому, Макдональд своей индийской политикой взбудоражил осиное гнездо. Приход Лэйбор-парти к власти преисполнил националистическую Индию возмущением и разочарованием, но не надеждой и радостью, как это имело бы место, если бы Макдональд не принес свой социализм в жертву на алтарь интересов империи.

Правда, уверовав в Макдональда, индийские националисты оказались на ложном пути. Макдональд много писал об Индии, но он никогда не требовал для Индии права самоопределения. Это право он весьма энергично отстаивал только для... Грузии. Но были и другие причины, которыми объяснялся предвзятый оптимизм, господствовавший в Индии в отношении рабочего правительства. Этот оптимизм был вызван заявлениями некоторых выдающихся лидеров Лэйбор-парти, которые считались специалистами по индийскому вопросу, а именно: полковника Вэджвуда и Бена Спура. Эти джентльмены посетили Индию в самый разгар кампании „отказа от сотрудничества" (non cooferation) [1]). Они присутствовали также на нагпурской сессии национального конгресса (1921), когда была в окончательном виде принята программа „отказа от сотрудничества". В том же году они присутствовали и на первом заседании всеиндийского конгресса профсоюзов в качестве представителей „братской" английской Лэйбор-парти. Правда, вернувшись в Англию, полковник Вэджвуд высказался против политики „отказа от сотрудничества", Являвшейся в то время широким массовым движением, преисполненным революционных возможностей. Тем не менее, он одобрял национальные требования и намекал, что как только Лэйбор-парти придет к власти, эти требования не будут оставлены без внимания.

В течение прошлого года, когда возможность прихода к власти рабочего правительства стала более осязательной, в Индии

[1]) Массовое движение, шедшее под лозунгом отказа от сотрудничества и бойкота всего английского без применения „насильственных" средств. Ред.

стали рассчитывать на кандидатуру Вэджвуда на пост статс-секретаря по делам Индии. Но эти надежды оказались преждевременными. Велико было разочарование индийской прессы, когда Макдональд не назначил Вэджвуда статс-секретарем по индийским делам. Выбор не пал даже и на Бена Спура. Назначение сэра Сиднея Оливьера было в такой же мере неприемлемым для Индии, в какой оно представлялось желательным для британского господствующего класса. На рядового индийца не производит никакого впечатления то обстоятельство, что новый статс-секретарь по делам Индии является старым фабианцем. Что оказывает влияние на суждение рядового индийца,—так это то обстоятельство, что сэр Сидней в течение многих лет состоял на колониальной государственной службе, а это учреждение вызывает в Индии глубокую ненависть и вполне основательные подозрения. Конечно, и от прихода к власти в Индии полковника Вэджвуда лишь очень немногие индийские националисты ждали чуда. Однако, в свете его заявлений казался естественным известный оптимизм. Но именно те заявления, которые пробудили в Индии проблески надежды, лишили полковника поста, который он бы с удовольствием занял.

Но в чем же состояло преступление благородного полковника? Выступил ли он за свободу Индии, обещал ли он хотя бы удовлетворение совершенно закономерных и скромных требований индийской буржуазии? Ничего подобного. Не далее, как в 1921 году, когда Вэджвуду еще не приходилось рассчитывать на то, что ему придется нести ответственность за пост статс-секретаря, он осуждал пассивное сопротивление, руководимое Ганди. Таким образом, мы ошибемся, если будем думать, что он стал бы настаивать на добросовестном применении в Индии принципа самоопределения.

И тот факт, что даже он оказался неподходящим в качестве статс-секретаря Индии, свидетельствует об явно империалистическом характере так-называемого рабочего правительства. Назначение Вэджвуда прежде всего произвело бы в Индии прекрасное впечатление. Но оно же могло бы вызвать известные затруднения пробудив необоснованные надежды.

Послание, которое Макдональд отправил в Индию тотчас же по своем приходе к власти, известно всем. Под этим посланием мог бы подписаться и всякий другой буржуазный премьер-министр. Могут, пожалуй, задать вопрос, почему его послание носило столь обескураживающий характер? Для этого было серьезное основание: послание противополагалось тем заявлениям, которые исходили от Вэджвуда, преполагавшегося статс-секретаря по делам Индии. Если бы Макдональд не отмежевался от политики, которую обещал вести полковник Вэджвуд, сделавшись статс-секретарем, то он не заслужил бы благоволения буржуазии, без которого он не мог сделаться премьер-министром Британской империи. Но одного удаления болтливого полковника было бы недостаточно. Премьер-министр должен был заявить, что он не разделяет его взглядов.

Выступая 12-го января в университете федерации труда Вэджвуд сказал:

„На примере Индии обнаружится подлинный характер рабочего правительства. Лэйбор-парти надеется преодолеть затруднения, ускорив превращение Индии в **самоуправляющийся доминион**. Это не есть только вопрос финансов, обороны и внутреннего порядка, здесь идет речь о завоевании симпатий индийских националистов путем такой коренной уступки... Цель Лэйбор-парти заключается в создании британского государства из народов различной расовой принадлежности и в создании свободного союза свободных народов“.

Это было слишком для английской буржуазии. Она не могла позволить, чтобы к власти пришла партия с такими „пагубными идеями“. Это было бы нелепо. Когда Макдональд жадными глазами считал голоса либерального меньшинства, господствующего в настоящее время в самом демократическом в мире парламенте, ему напомнили о нескромных заявлениях его коллеги. Для того, чтобы заслужить милость либерального крыла буржуазии, он должен был покаяться в грехах своего не совсем дипломатического собрата. Он должен был игнорировать слова простодушного полковника и сообщить своим индийским поклонникам, что право на самоопределение—прекрасная вещь, когда она не затрогивает слишком близко интересов империи; когда же дело касается безопасности Британской империи, то он не потерпит никаких „штук“ (это вежливое словцо он впоследствии повторил по отношению к великой державе, с которой хотел договориться).

Но Макдональду приходилось считаться не только с отечественной буржуазией. Он должен был учитывать также и мнения различных колониальных деятелей. Заявление полковника Вэджвуда взбесило их, и они категорически заявили, что им совершенно безразлично, что думает и как поступает рабочее правительство; они сумеют защитить свое привилегированное положение. Так, например, авторитетнейший полуофициальный калькуттский „Инглишмэн“ писал:

„Полковник Вэджвуд должен был бы отдавать себе отчет в том, что одним росчерком пера нельзя осуществить самоуправление Индии. Самоуправление может быть осуществлено лишь путем изменения или отмены закона, а это невозможно без согласия парламента. Но при своем нынешнем положении Лэйбор-парти едва ли может рассчитывать на осуществление такой меры без поддержки либералов, а приверженцы Ллолейд-Джорджа едва ли станут голосовать за преждевременное проведение в жизнь того, что их лидер назвал „экспериментом“.

Орган колониальных властителей храбро принял вызов (если это было вызовом).

„Если бы полковник Вэджвуд все еще намеревался следовать такой пагубной тактике, то ему пришлось бы считаться с вице-королем. Мы полагаем, что лорд Рединг послужит для слишком стремительного статс-секретаря весьма необходимым отрезвляющим буфером“.

Таково реальное соотношение сил. Что остается делать, если находишься у кормила власти, но не обладаешь ею? Надо показать себя „практическим политиком“ и принести в жертву

все программы и принципы, если они препятствуют овладению властью.

Буржуазная классовая диктатура не может быть преодолена решением парламента, являющегося тоже лишь орудием буржуазии. С другой стороны, господствующий класс всегда будет сильнее нас, если мы не решимся вырвать власть у него из рук, помогая угнетенным расам вступить на путь восстания. Но британская Лэйбор-парти в своем нынешнем составе не желает ни того, ни другого. Ее позиция—это демократия в метрополии и империализм в колониях.

Отвергая национализацию и налог на капитал, рабочее правительство доказало свою „способность", править в метрополии. Угрожающе занося руку над Индией, экс-пацифист Макдональд убедил британскую буржуазию в метрополии и в колониях, что он сможет удержать в подчинении угнетенные расы, что он прежде всего, является британцем и лишь во вторую очередь социалистом. Приведем здесь некоторые „крылатые" слова, которые он бросил индийским националистам, с надеждой взиравшим на него, как на человека справедливых принципов и прежде всего, как на вождя британского пролетариата, который не имеет никакого основания испытывать особенной привязанности к империи, даже если его вожди ею гордятся. В своем известном обращении к Индии Макдональд сказал:

„Я не вижу для Индии надежд, если она сделается ареной борьбы между конституционализмом и революцией. Никакую британскую партию не удастся запугать угрозой насилия и политикой, способной расстроить управление страной. И если некоторые индийские круги воображают, что это не так, то грядущие события их жестоко разочаруют. Я обращаюсь ко всем добрым друзьям Индии с призывом. сблизиться с нами, а не отдаляться от нас, притти к нашему взгляду и уверовать в нашу добрую волю".

Значение некоторых из этих выражений громадно. Макдональд рассеивает всякие сомнения, которые могли почему-либо возникнуть в отношении империалистической политики Лэйбор-парти. Вместо того, чтобы дать какое-либо указание на то, что сохраняя верность своему символу веры—праву на самоопределение и демократии, он как-нибудь изменит нынешнее, несомненно, безответственное и автократическое управление Индией, Макдональд обязывает Лэйбор-парти подавлять всякую попытку индийского народа, направленную к освобождению.

А по чьему адресу бряцает Макдональд оружием? По адресу индийских националистов, являющихся преданными сторонниками конституционализма, который столь дорог мистеру Макдональду. Он просит их „притти к нашему взгляду и уверовать в нашу добрую волю", но он забывает, что не всякий считает его тем, кем он сам себя считает. Индийцы так же мало могут положиться на его взгляд и на его добрую волю, как на взгляд и добрую волю лорда Керзона. За Керзоном они могут, по крайней мере, признать заслугу постоянства в принципах, чего нельзя сказать о Рамсее Макдональде.

Со времени прихода к власти рабочего правительства эти взгляды неоднократно выражались в индийской прессе. Лишь недавно умеренный вождь националистов, выступая в индийском законодательном собрании [1]), констатировал, что Индия сомневается в добрых намерениях нового рабочего правительства.

Идя по следам Керзона, Макдональд завоевал себе благодарность британской буржуазии, которая делает его руками свое грязное дело. Но ход событий жестоко разочарует его, если он полагает, что ему и его коллегам удастся создать рабочий империализм.

Индийский народ будет свободным,—это так же несомненно, как то, что британский пролетариат перерастет своих нынешних вождей. Если бы Макдональд с ласковым и приятным выражением на лице держал бы Индию в ежовых рукавицах, то ему удалось бы привлечь на свою сторону индийскую буржуазию, и она саботировала бы борьбу Индии за освобождение. Но позиция рабочего правительства косвенным образом помогла делу индийской свободы, дезавуировав рабочую аристократию и так-называемый социализм Независимой Рабочей Партии.

---

[1]) Высший законодательный орган Индии, права которого, однако, сильно урезаны. Решения его подвержены вето вице-короля Индии. Ред.

Американец.

Нефтяной скандал в Америке.

Грандиозный скандал, разыгравшийся ныне в Северо-Американских Штатах и перещеголявший собой знаменитую европейскую „Панаму“ конца XIX века, поражает весь мир подлинно-американским масштабом и обнаруженной „организацией“, соответствующей последнему слову техники. Лишь в стране миллиардеров, гигантских машин, в условиях бешенного темпа концентрации капитала, авантюра жадных акул—двух нефтяных королей Америки—могла принять столь гигантскую форму, захватив в свой порочный круг почти всех государственных деятелей страны. Нет невиновных и неприкосновенных. Все, начиная с самого президента и кончая блестящей плеядой адвокатов, весь деловой, почти весь правительствующий мир Америки, все буржуазные партии и группы все газетные тресты оказываются забрызганными этой черной липкой жидкостью — драгоценной калифорнийской вайомингской нефтью.

Что значит в сравнении с этой чудовищной распродажей оптом и в розницу государственных богатств, почти-что забавная история о подкупах французской прессы, которую в течение двух месяцев излагает Суварин на страницах „Юманите!“ Что в сравнении с этой шайкой государственных грабителей из почтенных секретарей департаментов по морским и внутренним делам—какой-нибудь несчастный грабитель из предместья Сити, который за взлом несгораемого шкафа подлежит карающему мечу правосудия!

По крылатому выражению сенатора Кинга, Гари Синклер, один из главных участников нефтяного скандала и вместе с тем владелец самой лучшей скаковой лошади в Америке, по всей вероятности, научился на скачках быстроте действия, проявленной в разыгравшейся авантюре. Кто же опередит в таком случае господина Синклера или господина Фолла—секретаря департамента по внутренним делам [1]), который с не меньшей ловкостью и выгодой для собственного кармана, распродал государственные нефтяные участки?

В сенатских кулуарах, как сообщают газеты, циркулирует шуточная „телеграмма“, якобы полученная американским правительством от правительства СССР, о том, будто Чичерин отправил Юзу ноту, в которой заявляет, что правительство СССР отказывается признать правительство Северо-Американских Соединенных Штатов вследствие разыгравшегося в Америке нефтяного скандала. Пока не будут наказаны все взяточники, советское правительство-де отказывается вступать в какие-либо сношения с американским правительством.

[1]) Секретарю департамента по внутренним делам соответствует министр внутренних дел.

Шутке этой, исходящей, как говорят, от друзей сенатора Бора, нельзя отказать в остроумии и в достаточной дозе злой иронии. Вот уже поистине, когда детским лепетом звучат упреки невинного господина Юза или какого-нибудь другого представителя государственных администраций в „незаконностях“ и „несправедливостях“ советской власти. Кстати, г. Юзу, бросившему свои разоблачения „советской пропаганды“, не до этого теперь. Нефтяное дело вытеснило все остальные дела. Скандал приковал к себе внимание всей Америки, и многие из партийных дельцов крепко потирают уже руки в надежде нажить выгодный капитал на „нефтяном предприятии“.

Для производства расследования ассигновано, как пишут, 100.000 долларов. Президент Кулидж заявил, что будет предпринято расследоавние „вне партий“ и силами, независящими от департамента юстиции (что является прямым ударом по этому департаменту). В задачу расследования входит выяснения преступных действий административных лиц и законности сдачи нефтянных концессий.

Сведения, идущие от сенатской следственной комиссии, работа которой длится уже третий месяц, говорит о все новых и новых разоблачениях, привлекающих к делу все новых виновников.

Мы постараемся здесь изложить кратко историю этого дела, которое с успехом может быть квалифицировано как чисто-уголовное.

* * *

В период президентства Тафта вопрос о переводе судов морского ведомства с угля на нефть был окончательно разрешен в положительном смысле, было решено перейти на нефте-топливо и вся строительная программа морского ведомства была построена на этом решении. Но зависимость флота от нефти создавала необходимость наличия нефтяных запасов. Многие эксперты доказывали, что при теперешнем темпе расходования нефти в Соединенных Штатах всей нефти может хватить лишь на 20—25 лет. Перевод судов на нефть означал еще большое потребление этого продукта и совершенно естественно, что у морского департамента явилась мысль о необходимости выделения части лучших государственных нефтеносных земель для изъятия их из продажи и закрепления за ведомством в качестве резерва. 27-го сентября 1909 года Тафт сделал распоряжение об изъятии части земель „для настоящих и будущих потребностей американского флота“. 25-го июня 1910 года конгрессом был принят специальный закон, уполномочивавший президента на этот шаг. Под настойчивым давлением морского департамента президент издал приказ 2-го

сентября 1912 года о создании нефтяного резерва № 1. 13-го декабря того же года был создан резерв приказом № 2. Оба эти резерва находились в Калифорнии.

Политика Вильсона в этом вопросе была точно также направлена к закреплению резервов за флотом, в лице морского ведомства. 30-го апреля 1915 года Вильсон приказом создал резерв № 3, самый богатый, в штате Вайоминг, так-называемый „Типот Дом“ (гора в этом месте имеет форму чайника—„Типот“).

Столь внезапное выделение нефтяных резервов и особая забота о них со стороны правительства сильно обеспокоило нефтяных королей, которые не брезгали никакими средствами для получения этих земель для личных эксплоатаций. Пускались в ход самые разнообразные хитрости и уловки; производилось давление на конгресс, чтобы добиться изменения нефтяной политики. И попытка эта некоторым образом удалась, так как закон 4-го июня 1920 года средактирован таким образом, что секретарь морского департамента при желании мог бы изменить всю нефтяную политику. Так, в этом законе говорится, что „секретарю флота поручается принять во владение все имущество в пределах морских нефтяных резервов, консервировать и разрабывать и использовать его, как он найдет нужным, непосредственно или путем контракта, сдавать в аренду или иначе...“.

Этот закон открыл широкое поле деятельности для сенатора Фолла (от штата Нью-Мексико), сделавшегося в марте 1921 г. секретарем внутренних дел в кабинете Гардинга и известного в Сенате своей постоянной борьбой против консервации не только нефтяных земель, но лесных, угольных и проч. Он всегда выступал за передачу их в частные руки для эксплоатации. Большая часть государственных нефтяных земель находится в ведении секретаря внутренних дел и почти все они (17.622.000 акров) сданы частным лицам. Под резерв флота было отведено лишь 51.623 акра (находящихся в ведении морского департамента).

С переходом власти к республиканцам (во время кабинета Гардинга) Фолл, секретарь внутренних дел, повел самую энергичную борьбу за передачу в его ведение резервных нефтяных участков флота, находящихся, как мы уже сказали, в ведении морского ведомства. Морской секретарь (министр) Денби, наперекор всей бывшей 13-летней политике, сводившейся к консервации нефтяных резервов, поддержал Фолла. Несмотря на резкий протест общественного мнения, президент Гардинг в порядке административного приказа в мае 1921 года санкционировал передачу „администрирования“ резервных участков флота департаменту внутренних дел, возглавляемому все тем же Фоллом.

Фолл самым быстрым темпом начал работу по сдаче нефтяных земель в руки частных лиц. Так, в апреле 1922 года Фолл подписал контракт с специально образовавшейся компанией „Маммотс Ойл Компани“ (компания Синклера) на эксплоатацию резерва № 3 в Вайоминге. Этот договор был подписан морским секретарем Денби. Все это было сделано в самом строгом секрете и на запросы представителей прессы, в связи с разными слухами в департаменте внутренних дел отговаривались незнанием этого факта или опровержением его. До сдачи „Типот Дом“ был сдан

также один из двух резервов флота в Калифорнии, а впоследствии и другой. Концессию получила „Пан Америкен Петролеум энд Транспорт Компани“, возглавляемая некием Догени, старым другом Фолла, одним из самых крупных нефтяных королей Америки. (Запасы нефти в „Типот Дом“ исчисляются стоимостью в полмиллиарда долларов; оба калифорнийские резерва исчисляются также в полмиллиарда).

Предлогом для сдачи этих концессий Фоллом был выдвинут тот факт, что по соседству этих земель частные компании добывают нефть, якобы выкачивая запасы из резервных участков, что, таким образом, казна потерпела большие убытки, и что единственным выходом являлась сдача этих земель в частные руки. Получалось, что некоторым образом страна оказывалась даже облагодетельствованной остроумным планом г. Фолла.

Рьяным противником и разоблачителем новой нефтяной политики выступил известный Лафоллет, представитель левого крыла республиканской партии, пытающийся оздоровить эту партию. Лафоллет в апреле 1922 года внес в сенат резолюцию с предложением секретарю внутренних дел прислать в Сенат документы, относящиеся к концессиям на резервные земли. Тогда же он огласил письмо Даниэльса, бывшего морского секретаря при Вильсоне, в котором последний указал, что концессионные заявления были предъявлены от имени лиц, работающих на чикагских бойнях, которые по расследованию всего дела заявили, что они никогда не подавали заявлений относительно нефтяных земель и что они подписали предъявленные им заявления под таким впечатлением, что это—избирательная петиция.

Несколько дней спустя Лафоллет, получив, повидимому, кое-какие сведения о преступном характере сделок, внес в свою резолюцию пункт о расследовании всего дела комиссией государственных земель. В своей речи в Сенате он подчеркнул, что ему кажется совершенно невероятным, как морской секретарь мог согласиться на передачу своих резервных земель департаменту внутренних дел, возглавлявшемуся Фоллом, всем известным противником консервации. Из дальнейших сообщений Лафоллета мы узнаем много пикантных моментов этой медленно развертывающейся перед нами ужасающей картины грабежа среди белого дня, совершенного официальными представителями власти. Так, мы узнаем, например, что каждый флотский офицер, которому было когда-то поручено изучить нефтяные резервы, и который поддерживал секретаря Даниэльса в его борьбе, с приходом новой администрации откомандировывался в дальнее плавание. Лафоллет разъяснил также историю образования синклеровской „Маммотс Ойл Компани“, отметив особо, выражаясь вульгарно, удивительную ловкость рук, проявленную в этом деле самим Синклером. В то самое время, как официальные лица департамента внутренних дел заверяли представителей прессы, что резерв № 3 не сдан, один господин, известный в нефтяных, скаковых и административных кругах (читай—Гарри Синклер), опубликовал интервью „Нью-Йорк Уэрльд“, в котором заявил, что сделка закончена и договор подписан.

В противовес ссылке департамента внутренних дел на то, что нефть из „Типот Дом“ выкачивается соседями, Лафоллет огласил телеграммы официального геолога штата Вайоминга и других лиц, произведших специальное расследование по этому делу, в которых доказывалась невозможность этого выкачивания. Но Лафоллет заявил, что если бы даже мнение экспертов было неправильно, то неужели же у государства нет средств воспрепятствовать расхищению народных богатств, столь ценных для обороны страны, частными грабителями? Лафоллет взял под сомнение столь странно проявленную в этом деле слабость со стороны правительства. Намекая на роль ответственных сенаторов и конгрессменов в защите интересов нефтяных компаний Лафоллет заявил, что ему кажется непостижимым, чтобы члены палаты и представители сената могли внести и защищать законопроекты, которыми отбиралась у правительства нефть, необходимая в будущем для флота, и делать это в интересах частной нефтяной компании, как, например, „Стандарт Ойл“.

Интересно место речи Лафоллета, в котором он характеризует нефтяных монополистов Нового Света. По его словам, нефтяная монополия, возглавляемая одной из самых влиятельных нефтяных компаний „Стандарт Ойл“, наиболее дерзкой, бесстыдной и агрессивной нарушительницей закона, с которой какой-либо законодательной палате приходилось иметь дело. Эта монополия разорила людей во всей стране, и во многих случаях довела своих конкурентов до самоубийств. Она содержала на жаловании служащих своих конкурентов, покупая у них секреты своих хозяев. По словам Лафоллета, имеются целые томы показаний, полученные комиссиями конгресса, подтверждающие каждое его заявление. Лафоллет так закончил свою речь:

„Нефтяные монополисты подкупали правительственных служащих, безжалостно расхватывали и эксплоатировали естественные богатства страны и систематически обирали народ своими грабительскими ценами. Они не могли бы этого делать, если бы не имели своих слуг в Сенате, палате и в кабинетах каждой администрации“.

Резолюция Лафоллета о расследовании дела была принята Сенатом 29-го апреля 1922 года. Расследование длилось очень долго и не дало особых результатов. „Нечистый“ характер сделок подозревался многими, но до последнего времени вопрос вращался лишь в плоскости выгоды или невыгоды концессионных сделок для правительства.

Свое подлинное освещение дело получило лишь в прошлом году, после совершенно случайного заявления соседей Фолла по поместью (у Фолла имеется большое поместье в Штате Нью-Мексико) в сенатскую комиссию о том, что в 1922 году, вскоре после того, как Фолл не в состоянии был покрыть даже своих налогов, он внезапно предпринял дорого стоящие строительные работы и купил новое скотоводческое хозяйство. Объяснение Фолла, что на покупку нового хозяйства им были заняты деньги (сто тысяч долларов) у некоего Мак-Лина, собственника полуофициоза „Вашингтон Пост“ и близкого друга Гардинга, было опровергнуто через некоторое время им самим. Он, по его словам, у Мак-Лина

денег не брал, взял у него лишь чеки, которые потом вернул, но, имея чеки, он достал деньги у другого лица, которое он отказался назвать. Вскоре затем Фолл очутился во Флориде и зарегистрировался под чужим именем в гостинице, где проживал одновременно Мак-Лин. Согласно заявлению сенатора Каравея, демократа, Фолл писал на счетах гостиницы „Получить от Мак-Лина“. Мак-Лин заявил, что он не уполномачивал на это Фолла.

Все эти неожиданные открытия полупинкертоновского характера быстро наэлектризовали и без того сгущенную атмосферу.

Но с этого момента разобраться в этом запутанном деле, где оказались замешанными десятки адвокатов, сотни дельцов, их помощников и всяких добрых посредников и маклеров—является весьма трудной задачей; вряд ли с ней справится сенатская комиссия, назначенная президентом республики, который сделал бы правильнее, пригласив для раскрытия преступления самого Шерлок-Холмса со сворой полицейских собак.

С каждой новой картиной этой грандиозной американской фильмы, которая могла бы с успехом демонстрироваться под громким названием „Нефтяной скандал или шайка американских грабителей“, с кинематографической быстротой появляются перед нами все новые герои, с развитием действия все больше и больше впадающие в панику и замешательство.

Главным участником преступления после Фолла является уже упомянутый нами, всем известный нефтяной король Гарри Синклер, который, как оказывается, своевременно поддержал пришедшее в упадок хозяйство г. Фолла, за что и получил от последнего небольшую мзду в виде государственных нефтяных участков. Показания Арчибальда Рузвельта, бывшего президента субсидируемой Синклером „Юнион Петролеум Компани“, приоткрыли занавес над ужасающей картиной подкупов и расхищений народного достояния. Но тут появляется новый герой—нефтяной магнат Догени, получивший (как мы упоминали выше) калифорнийские концессии за какие-то 100 тысяч долларов, которые он, оказывается, как близкий друг все того-же Фолла, дал последнему взаймы на покупку скотоводческого хозяйства (в доказательство Догени даже предъявил расписку, но, к сожалению, без подписи, которая оказалась оторванной и хранилась почему-то для безопасности в сейфе жены Догени). Любопытно, что во время своих показаний Догени заявил, что бывший секретарь финансов в кабинете Вильсона Мак-Аду (он же зять Вильсона), один из наиболее видных демократическик кандидатов в президенты в предстоящей выборной компании, вскоре по выходе из кабинета поступил на службу к нему и получил в качестве адвоката 250 тысяч долларов. Догени также показал, что демократ Грегори (бывший секретарь юстиции) тоже был одно время у него на службе.

Щадя время читателя, мы ограничимся приведенными здесь именами, замешанными в этом нефтяном скандале, так как дальнейшее перечисление их мало изменяет существо дела.

Показания со стороны Фолла, заявившего в своем письме сенатской комиссии от 23-го декабря 1923 года, что он „никогда не получал от упомянутых лиц (т.-е., от Синклера и от Догени)

ни одного сента, ни в связи с нефтяными концессиями, ни с чем-либо иным“, были опровергнуты заявлением самого Догени. Опровергнута была и часть в отношении Синклера. Личный адвокат Синклера в показании заявил, что Фолл получил через него в июне 1923 года 25 тысяч долларов облигациями и 100 тысяч наличными, якобы для того, чтобы он мог поехать с Синклером в Россию.

Чем кончится расследование этого дела; будут-ли посажены именитые преступники на скамью подсудимых—трудно сказать. Пока что, сенатская комиссия по совету адвокатов, по крайней мере, решила не очень беспокоить Фолла и не настаивать на его допросе, от которого он всяческими способами старается отбояриться. А что касается Синклера, то он своевременно успел удрать в Европу, благоразумно скрыв место своего пребывания. Последние газетные сообщения говорят, что неожиданно вернувшийся беглец категорически отказался дать какие-либо показания сенатской комиссии, но опубликовал пространное сообщение, в котором указывает, что одолжил бывшему министру внутренних дел Фоллу 25 тысяч долларов после того, как Фолл подал в отставку. Но, по словам Синклера, он дал эти деньги Фоллу, чтобы тот мог расплатиться со своими долгами, прежде чем отправиться в СССР вместе с Синклером. Сенат, в свою очередь, поднял дело против Синклера, которому предъявляют обвинение в „презрении“ к Сенату.

Нефтяной скандал, расследование которого откроет еще, наверное, немало тёмных пятен на ярком солнце американского золота, пока что, сослужил другую большую службу как политический фактор, в смысле крупнейшего агитационного средства для борющихся партий в приближающейся выборной кампании. Политические партии широко используют его. Прогрессисты и особенно демократы мечут гром и молнии. Правые республиканцы во главе с Ленрутом, председателем сенатской комиссии, занимающейся расследованием этого дела, пробовали отвертеться от него, но, учитывая позицию демократов и прогрессистов и впечатление, произведенное скандалом на страну, должны были присоединиться к демократам и 31 го января голосовать за их резолюцию о возвращении морскому ведомству части его земель. Если бы не демократ Мак-Аду (один из крупных кандидатов на пост президента), небезкорыстное участие которого в судьбах калифорнийской нефти сильно скомпрометировало предвыборную „невинность“ демократов, последние могли бы с полным триумфом побить на приближающихся выборах своих конкурентов.

Во всяком случае, скандал, несомненно, отразится на судьбах республиканцев. Так, председатель Демократического Национального Комитета заявил, что Типот Дом'ская эпопея является „величайшим политическим скандалом этого и какого угодно другого поколения“, и что она сделается дополнительным политическим козырем в кампании 1924 года. В штате Орегон, например, демократы уже ввели специальный боевой избирательный значек для петлиц—изображение чайника („Типот“).

Хайрам Джонсон (кандидат в президенты, прогрессист) также не замедлил использовать скандал в своей борьбе с кандидатурой Кулиджа, стараясь навязать последнему вину в этом деле. Одновременно некоторые республиканские сенаторы делают вылазку против Мак-Аду.

До окончании работы сенатской комиссии трудно предсказать все последствия этого скандального дела.

Мы также, за неимением места, не говорим здесь о той грязной роли, которую сыграла в этом деле буржуазная пресса, собравшая немалую толику во время обделывания столь выгодного „нефтяного предприятия“.

Агитационное значение нефтяного скандала колоссально. Он подобен страшной бомбе, разорвавшейся внезапно в атмосфере американских „демократических добродетелей и свобод“. Никакая коммунистическая пропаганда, никакая работа Коминтерна не могут более удачно и сильно разоблачить грабительскую и хищническую сущность буржуазного мира.

Э. Бранд.

Экономический кризис в Польше.

Вслед за Австрией и Германией Польша переживает „стабилизационный кризис“. С половины января курс марки по отношению к доллару держится на одном уровне—$9^1/_2$ миллионов марок за доллар. Является ли это только временной задержкой падения марки, подобной тем, какие уже имели место зимой 1921/2 года при мин. финанс. Михальском и в первой четверти 1923 года, или же началом оздоровления польских финансов, — это вопрос особый и мы к нему вернемся.

Какова бы ни была дальнейшая судьба марки, ее внезапная стабилизация после периода стремительнейшего падения привела к глубокому и острому экономическому кризису. Кризис этот назревал давно, его предсказывали и с беспокойством ожидали экономисты и политики. К нему неуклонно вело углубляющееся с каждым месяцем противоречие между общим ростом производства и внешней торговли и катастрофическим положением государственных финансов.

Польша, вопреки распространенным в России взглядам, за последние годы добилась значительных успехов по восстановлению своей промышленности и земледелия.

Посевная площадь достигла довоенного уровня во всей Польше, за исключением особенно пострадавших от войны белорусских и украинских земель (так-называемых „восточных окраин“), где сокращение посевов исчислялось в 1922 году в 11%. Сбор хлебов в 1923 году, благодаря хорошему урожаю, превысил довоенный уровень (за исключением пшеницы), и Польша, которая ряд лет привозила хлеб, располагает в настоящем году значительными хлебными излишками (36 милл. пуд. ржи, 12 милл. пуд. ячменя, 45 милл. пуд. овса).

Легкая промышленность, в первую очередь текстильная, достигла и даже отчасти превысила довоенный уровень. Потребление хлопка возросло с 2,2 милл. пудов в 1921 году до $3^1/_2$ милл. пудов в 1923 году, т.-е. составило 60% потребления СССР в 1922/3 хозяйственном году. Число веретено-смен в крупных хлопчато-бумажных фабриках (90% всей промышленности) было равно в среднем 2.200 тыс. в сутки, т.-е. на 40% выше довоенного числа. Потребление заграничной шерсти возросло с 640 тыс. пудов в 1921 году до 1.250 тыс. пуд. в 1923 году, т.-е. равно приблизительно потреблению СССР в истекшем году

Однако, шерстяная, равно как и льняная, промышленность не достигла довоенного уровня.

Добыча угля составила 36 милл. тонн (2.200 милл. пудов), т.-е. 89% довоенной добычи, добыча нефти около 720 тыс. тонн (44 милл. пудов), т.-е. 68% добычи 1913 года.

Хуже обстоит дело с металлургией. Производство чугуна в б. русской Польше достигло только 27% довоенного уровня (112 тыс. тонн — 6,8 милл. пуд. вместо 418 тыс. тонн). Производство стали и железа—42% (249 тыс. тонн вместо 588 тт.). Верхнесилезские домны дали около 400 тыс. тонн чугуна, т.-е. около 65% довоенной продукции. В целом производство чугуна равно половине довоенного.

Внешняя торговля развивалась из года в год. В 1923 году Польша имела активный торговый баланс. Привоз за первые 10 месяцев 1923 года составил 178 милл. долларов, вывоз—197 милл. долл. Крупнейшим предметом вывоза является верхнесилезский уголь (28,6% вывоза), который продавался, главным образом, в Германию. Важную роль играли вывоз тканей и пряжи (15,7%), главным образом, в Румынию, кроме того в Австрию, Японию и англ. колонии, вывоз леса и лесного полуфабриката (10,4%), главным образом, в Германию, металлических полуфабрикатов и изделий (10,2%), нефтепродуктов (5,4%), сахару, цинка. В привозе главную роль играло текстильное сырье, пряжа и ткани (24%), металлические изделия (21,4%), из чего половину составляли разные машины, колониальные товары и съестные припасы.

Однако, это видимое благополучие покоилось на непрочных основаниях. Промышленность в Польше восстановилась за счет правительственных субсидий в виде долгосрочных кредитов, исчисленных в бумажных обесценивающихся марках. Промышленники брали из кассы Гос. банка сотни, погашали же долг, возвращая десятки, а иногда и единицы. Благодаря беспрестанному падению марки по отношению к твердым валютам, промышленность пользовалась экспертной премией, так как цены внутреннего рынка не поспевали за стремительным ростом доллара и стояли не только ниже мировых цен, превышающих, как известно, на 50%, паритет золота, но стояли ниже довоенного уровня по отношению к золоту. Вот таблица, рисующая движение индексов в золотом исчислении за 1923 год.

	Продовольствие растит. происх.	Текстильн. сырье и фабр.	Металлы и уголь.	Общий оптов.	Бюджетн. набор.
1914	100	100	86,6	100	100
1923 I (конец мес.)	82,9	121,2	119,1	77,1	45
„ III „ „	92,2	135,0	94,7	97,3	75
„ VI „ „	64	127,9	108,2	77,1	53
„ IX „ „	68,8	177,4	84,1	95,3	71
„ X „ „	48	175,2	107,4	72,5	42 7
„ XI „ „	66,3	170,2	110,1	81,1	54,6
„ XII „ „	75,7	177,5	140,4	95,0	79,8

В первом полугодии 1923 года, когда марка с половины февраля до конца мая почти не падала, цены, не переставая расти,

постепенно догоняли уровень золота. В июне начинается новое падение марки и снова индексы не поспевают за долларом. Самый быстрый темп падения марка приобретает в октябре (курс доллара увеличивается в четыре раза) — это и есть месяц самых низких реальных цен. Однако, уже в декабре индексы догоняют золото, особенно индексы угля и промышленных товаров.

Благодаря экспортным премиям и низким убыточным жел.-дорожным тарифам, вывоз развивался, но народное хозяйство от этого мало выигрывало. Это была распродажа Польши спекулянтами, которые вырученную валюту складывали в заграничных банках. Несмотря на активный платежный баланс, в котором большую роль играют сбережения эмигрантов во Франции и Америке, в Польше царил валютный голод. Никто не хотел держать марки, все гонялись за долларом и фунтом. Сбережения в марках были невозможны — всякое сбережение приводило к вывозу капитала в форме покупки валюты или заграничных ценностей.

Аккумуляция капитала в Польше прекратилась. Реальная ценность новых эмиссий акций падала из года в год. Она составила в 1921 году 12,6 милл. долл., в 1922 г.—6,3 милл. долл., в 1923 г.—3,7 милл. долл.

Приток заграничного капитала был ничтожен. Слабое развитие металлургии и металл. промышленности, производящих средства производства, застой строительного дела, отражали тот же факт прекращения образования постоянного капитала.

Причиной падения марки был непрерывный поток эмиссий, составляющих главный источник доходов Польской республики. Бюджетный дефицит, покрываемый эмиссией, рос из года в год.

В 1922 г. дефицит административного бюджета составил 42 милл. долл. (доходы 84, расходы 126 милл.), дефицит жел. дорог—36 милл. долл., общий дефицит 78 милл. В 1923 году дефицит админ. бюджета — 60 милл. долл. (доходы — 75, расходы — 135), дефицит жел. дорог — 62 милл долл., общий дефицит 122 милл. долл.

Чтобы выкачать эту сумму из населения при помощи эмиссии, нужно было увеличить темп эмиссии. В 1922 году долг государства в эмиссионном банке увеличился в 3 раза, в первом полугодии 1923 г. в $4^1/_2$ раза, во втором же полугодии в 37 раз (за весь год в 165 раз). Но цены и курс доллара росли скорее, чем эмиссия. Реальная ценность всей денежной массы в обращении уменьшалась по мере роста темпа эмиссии. Эта ценность составляла 78 милл. долл. в конце 1921 года; 53 мил. долл. весной 1923 г. и упала в октябре до 14 милл. долл. (при населении в 30 миллионов жителей).

К концу года положение стало невыносимым для всех, кроме валютчиков и промышленников, которые наживались на инфляции в первой ее стадии. Всякая калькуляция стала невозможной, сумма всех кредитов, предоставленных госбанком и банками промышленности сжалась до смешной суммы нескольких миллионов долларов, представляющей стоимость полуторадневной продукции. Реальные цены начали перегонять доллар. „Ножницы“ раздвигались и били по крестьянству.

Разразился кризис в текстильной промышленности. Паника царила повсюду...

Последний час для денежной реформы как-будто пробил. Премьер-министр Грабский, взявший власть 17 декабря с единственной целью спасения финансов, получил от сейма почти неограниченные полномочия. Первым делом он перевел все налоги, пошлины, сборы, тарифы на золотое исчисление. До сих пор они были исчисляемы в бумажных марках, так что, напр., прямые налоги дали в 1923 году, благодаря обесценению марки, 11% предполагаемой суммы. Во-вторых, декретировал немедленный взнос аванса в 27 миллионов долларов на поимущественный налог. В-третьих, затеял основание частного эмиссионного банка с капиталом в 20 милл. долларов для выпуска новой твердой валюты. До момента открытия этого банка, а момент этот не кажется еще близким, нет в Польше реального твердого измерителя, кроме доллара, но сделки в долларах воспрещены. Золотой измеритель является только индексом, назначаемым каждый день правительством, основанным на официальном биржевом курсе доллара.

Мероприятия Грабского увенчались временным успехом. Сильный налоговый нажим заставил держателей валюты бросить ее на рынок; спрос на нее уменьшился из-за полного кризиса текстильной промышленности, главного потребителя валюты. Доллар стабилизировался.

Но переход налогов и тарифов на золотое исчисление привел немедленно к переводу всех цен и кредитов на золотое исчисление, т.-е. привел к стремительному подъему всех цен до уровня золота и вскоре превысил его. В конце января оптовый индекс достиг уже 111 (по отношению к золоту), бюджетный набор 128.

Это была полная революция цен. По сравнению с октябрем индекс бюджетного набора возрос реально в 3 раза. Высокие золотые цены и золотые тарифы жел. дорог оказались непосильными для польского экспорта. Экспорт леса прекратился совсем. Промышленный кризис охватывал одну область за другой. В Лодзи в начале февраля только 7 тысяч рабочих работало полную неделю, 68 тысяч работало не больше 3 дней; то же самое во всем текстильном округе. Паровозо- и вагоностроительные заводы, от которых правительство в виду сбережений хочет добиться аннулирования или рассрочки заказов, увольняют рабочих и сокращают работу до 3 дней в неделю. Из 67 стеклянных заводов 40 бездействуют. Закрываются спичечные и цементные фабрики.

В Польшу начинают приливать немецкие и чешские товары, которые теперь оказываются дешевле польских. Даже румынская нефть начинает в Польше конкурировать с галицийской. Промышленники воют: требуют повышения пошлин понижения тарифов, отмены налога от оборота при экспортных операциях, государственных кредитов.

Капиталисты идут в поход против заработной платы, понижают ее, требуют перехода на 10-часовой рабочий день. Правительство частично уступает, по-

тому что финансовая реформа обречена на провал, если не удастся преодолеть кризиса производства.

Какие надежды на то, что польской буржуазии удастся оздоровить финансы?

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем одну интересную цифру: в ноябре расход на армию составлял 63% всего расхода, в декабре же—72% и превышал весь доход. Первым условием устранения дефицита является уменьшение затрат на милитаризм.

Польша во многом походит на Францию: широкий аграрный базис, уголь, металлургия, текстиль, мелкобуржуазное засилие, политика „престижа" и милитаризма, котраст между хозяйственной мощью и развалом финансов. Только Польша в три раза беднее Франции, и имеет неразрешенные аграрный и национальный вопросы.

Но оставим эту параллель. Премьер-министр Грабский не сомневается в успехе своих реформ. В конце марта он произнес речь, преисполненную безоговорочного оптимизма. Вот уже третий месяц,—говорит он,—как марка стабилизирована; печатание марок на нужды казначества приостановлено в январе—они печатались еще в феврале, но только для кредитования промышленности и торговли и для закупки иностранной валюты, припрятываемой до сих пор населением и хлынувшей теперь на рынок.

Таким образом, валютный запас госуд. банка возрос с $2^1/_2$ до 19 милл. долларов, стоимость же денежной массы возросла в четыре раза, достигая 57 миллионов долларов. Дефицит изжит, поступления от налогов превышают предположения, месячные расходы можно определить в 20—22 милл. долларов. Подписка на акции золотого эмиссионного банка дала блестящие результаты: заявки населения достигают 90% предполагаемого капитала в 19 милл. долларов, так что вскоре можно будет выпустить обеспеченную валюту. Промышленный кризис изживается,—начиная с 8 марта, безработица уменьшается.

Этот казенный оптимизм вызвал критику представителей буржуазии. Они обращают внимание на то, что финансовая реформа не может быть успешна при падающем производстве, и что схема поступления налогов, которая не считается с этим фактом, является нереальной. Но важнее другое обстоятельство: расходная смета составлена в индексных (товарных) франках, приходная же—в золотых франках. Между тем как индексный франк в момент составления сметы стоял ниже золотого, рост реальных цен изменил это соотношение в обратное, и потому бездефицитность бюджета являеттся иллюзией.

Грабский, повидимому, сам про себя тоже об этом знает—иначе трудно бы об'яснить, почему пошел на кабальную сделку с итальянским банком „Банка Коммерцияле". Этот банк предоставляет Польше заем в 400 милл. лир, из которых, однако, Польша получает только 320 милл. на руки. Процент определен в $10^1/_2$, не считая амортизационных взносов. В конечном счете Польша получает 14.7 милл. долларов и должна по ним уплачивать по 2,9 милл. долларов в течение первых пяти лет, по 2,5 милл. долларов в течение следующих, или 17—20% в год. Притом

польская табачная монополия является залогом. В случае войны и оккупации Польши неприятелем за итальянцами обеспечивается право вывесить итальянский флаг на государственных табачных фабриках.

Прислушаемся еще к мнению крупного буржуазного эксперта. Гильтон Юнг, английский эксперт, в меморандуме, представленном в феврале польскому правительству, перспективы финансовой реформы рисует в следующем виде. Польша—страна богатая, трудолюбивая, и т. д., но ей не достает опыта. Нужно увеличить доходы, уменьшить расходы и получить заграничный заем. Сумма месячных расходов не должна превышать 14 милл. долларов—больше Польша расходовать не в состоянии. Январская стабилизация ненадежна, непрочна, так как она основана на доходе специальном, неповторяемом каждый месяц. Без сокращения военных издержек, увеличения косвенных налогов, сдачи в аренду жел. дорог изжитие дефицита немыслимо. Заграничный заем почти неизбежен, но заграничный капитал даст деньги, только получив полный контроль над их расходованием. (Отмечу, что Юнг предлагает выпустить золотую валюту параллельно с бумажной маркой, т. е. позаимствовать от большевиков червонец!).

Такова оценка Юнга. Эта оценка трезвого буржуа. Он предвидит для Польши, как выход из кризиса, судьбу Австрии.

Рабочие и крестьяне предлагают другой выход. Спасти независимость Польши от акул международного капитала могут только те, которых называют изменниками и врагами отечества.

Польша вошла в полосу длительного кризиса. На его фоне развивается борьба рабочих против наступления капитала, против понижения реального заработка, за 8-часовой рабочий день, за обеспечение безработных.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. Танин.

Международная политика.

Англо-французские отношения.

В феврале член английского правительства Гендерсон заявил: „Версальский договор основан на том ложном предположении, что экономическое благосостояние некоторых стран может быть разрушено без последствий для экономического благосостояния других стран...“ „Всякий, кому дорог всеобщий мир должен настаивать на безусловном пересмотре Версальского договора, как в смысле экономическом, так и в смысле территориальном“.

Правда, английский премьер Макдональд заявил, что он не несет ответственности за это выступление его министра. Но такой дипломатический жест не меняет положения, тем более, что он был сделан в весьма вялой форме. И недаром выступление Гендерсона произвело такое ошеломляющее впечатление во Франции, в Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии...

Письмо Макдональда.

Переписка Макдональд—Пуанкаре проливает яркий свет на зловещий характер англо-французской борьбы. Несмотря на все дипломатические оговорки о необходимости добиться соглашения, переписка доказывает, что серьезное соглашение между Англией и Францией невозможно. Более того, сама переписка еще более обостряет положение. Макдональд говорит довольно откровенно: „Английский народ опасается милитаризации Франции и с тревогой следит за созданием баз французского военного воздушного флота, не только на Востоке, но и на Западе. Нас смущает также интерес, проявляемый Францией к военной

организации новых государств Центральной Европы. Возникает вопрос, почему деятельность военных министров этих стран финансируется французским правительством, в то время как британский плательщик налогов должен ежегодно изыскивать средства для покрытия 30 миллионов фунтов стерлингов в год, составляющих проценты на заем, заключенный в Америке, тогда часть этих платежей могла бы быть покрыта Францией в счет ее долга нам? Франция не только не пыталась сделать этого, но даже и не высказалась по этому поводу“.

Переходя далее к вопросу о репарациях и оккупации Рура и Рейна, Макдональд так же открыто заявляет:

„Наши точки зрения расходятся по самым основным пунктам... Английским народом восстановление понимается более широко, как восстановление разрушенных рынков, восстановление покупательной способности, морской и международной торговли, уничтожения резкого колебания валюты и разрешение вопроса о безработице“.

Здесь Макдональд затрогивает самый больной для Англии вопрос. Действительно, Англия в несравненно большей степени, чем Франция, находится в зависимости от экономического обмена с внешним миром. Ллойд Джордж это выразил недавно в яркой форме следующими словами: „Наполеон бросил нам, что мы нация лавочников. Да, это так. Мы величайшая нация лавочников в мире“. И далее он жаловался: „О хлебе насущном—вот о чем думает народ. Из груди его вырывается старый вопль: дай нам, боже, и в этот день наш хлеб каждодневный“.

Положение отчаянное. Мечты о самодавлеющей в экономическом отношении Великобританской империи рассеялись, как дым. В колониях идет зловещий для метрополии процесс индустриализации. В Индии развивается самостоятельная текстильная промышленность. И развивается она по линиям современной техники, а не по рецепту идеалиста Ганди, проповедующего бойкот английских текстильных товаров при возвращении к ручному ткацкому станку. Ввоз из Англии в Индию все падает. В Канаде английский капитал вытесняется американским, опирающимся на свои огромные преимущества в смысле рессурсов и географической близости. Египет тоже быстро индустриализируется. На этой именно почве и развиваются политические опасности в колониях, угрожающие самому существованию империи.

В Европе—падение покупательной способности населения, танец валют, политическая неустойчивость, парализующая солидную торговлю, грубый напор французской тяжелой индустрии, пьющей кровь из „версализированной“ Германии. Словом, английский капитал с ужасом чувствует, что на него отовсюду наседают...

Вот в каком положении Макдональд пишет французскому премьеру.

Ответ Пуанкаре.

Что же отвечает Пуанкаре?

Он всей душой стремится к миру. Им руководят „не узкие эгоистические чувства, а лишь желание обеспечить прочный мир в Европе"... „Ни один разумный француз никогда не помышлял об аннексии хотя бы малой части германской территории". А что касается утверждений злых языков о том, против кого направлена лихорадочная постройка французского воздушного флота, то „неужели действительно есть англичане, полагающие, что Франция способна готовиться к братоубийственной войне против их страны? Наша военная авиация предназначается исключительно для защиты Франции от попытки реванша со стороны Германии".

О, святая невинность!

А по существу? Что с Руром? Что с деньгами?

„Мы заняли Рур с целью заставить Германию урегулировать ее обязательства к нам... Этот способ давления, как мы уже заявляли,—прекратится в тот день, когда Германия выплатит свои долги"...

А что касается долгов, то:

„Позвольте мне выразить вам (т.-е. Макдональду) благодарность за ваше заявление, что вы рассматриваете вопрос о междусоюзных долгах, как вопрос, тесно связанный с репарационным. Крайне желательно, чтобы эти вопросы были урегулированы одновременно".

К этому шифру требуется ключ.

В ноте от 22 августа 1923 г. Пуанкаре заявляет, что пар. 231 и 232 версальского мирного договора устанавливают приоритет репараций, т.-е. возмещение убытков от военных разрушений над возмещением расходов на военные цели и над военными долгами. А так как Германия никогда не будет в состоянии удовлетворить заведомо невыполнимые требования французских шейлоков, то это означает, что Пуанкаре из Рура не уходит и уходить не желает и долгов не платит и платить не желает.

Подоплека нажима Макдональда.

Таковы основные факты. Вся показанная готовность Пуанкаре к уступкам, в связи с работами комиссии экспертов—это не больше как маневр. „Пуанкаре уступит в маловажных пунктах, чтобы с большим успехом сосредоточить силу своего противодействия на основном вопросе"... Так оценивает тактику Макдональда „Нью Стэтсмен" (2/II).

„Наши интересы властно требуют—продолжает этот орган, идейно близкий к Макдональду,—чтобы Германия была в состоянии мира, а не хронической войны, чтобы ее финансы были стабилизованы, чтобы ее рынок был открыт для нас. Возможно, что в абстрактной форме французы согласятся с нами. Но необходимо помнить, что к вопросу следует подойти конкретно... Необходимо, чтобы французы эвакуировали Рур... Необходимо, чтобы вопрос о французском долге был разрешен, и упреки в британской жадности и ссылки на бедность Франции не остановят нас в нашем требовании"...

Таким образом, мы видим, что приход к власти „рабочего" правительства в Англии не только не смягчает, но обостряет англо-французский антагонизм, и этот факт находит свое яркое выражение в дипломатической дуэли Макдональд—Пуанкаре. Объясняется это, конечно, не тем, что Макдональд борется с французским империализмом, как интернационалист со всяким империализмом. Мотивы, побуждающие Макдональда к этой борьбе, чисто великодержавного свойства. Он борется с врагом Великобританской Империи. И в этом отношении у него руки не связаны так, как у Болдуина, которого постепенно отдергивали „дайгардс"—твердокаменные консерваторы, представители родовой знати, сердцу которых Франция особенно любезна, как оплот мировой реакции.

Недаром французская печать так удрученно реагировала на смену кабинета в Англии и на последние выступления Макдональда. Она весьма правильно предвидела усиление темпа англо-французской борьбы.

Международное положение Германии.

На приход к власти Макдональда в Германии возлагали большие надежды. Макдональд стал для значительных кругов германского народа чем-то в роде Вильсона № 2. Когда получилось долгожданное известие, что Макдональд приглашен к „его величеству" в Бэкингемский дворец для образования кабинета „Форвертс" прямо ликовал. Шутка ли, премьер Англии, могущественной Англии,—„свой человек", товарищ по интернационалу. Как не радоваться? Ведь открываются широкие перспективы освобождения Рура и Рейна, решения репарационного вопроса и т. д.

Но вот пошли разочарования. В письме к Пуанкаре Макдональд пишет:

„Эта цель (установления доверия между народами) может быть частично достигнута путем местного разоружения и создания нейтральных зон между некоторыми государствами, под совместной или даже коллективной гарантией... В обсуждении этого вопроса Лига Наций могла бы, по моему мнению сыграть значительную роль".

Это значит—и Германская с.-д. печать сразу поняла намек,—что вместо того, чтобы вырвать Рур и Рейн из когтей Пуанкаре и благородно вернуть их германскому народу Макдональд намерен вырвать часть добычи для себя, для империи своего короля. Это значит, что по талонной книжке Лиги Наций „товарищ Макдональд" вместе с Пуанкаре выпишут себе новый мандатик на Рурскую и Рейнскую провинции. Это значит, что временные компромиссы между Англией и Францией будут заключаться за счет Германии.

И еще один характерный факт. У себя на родине Макдональд не находит более радикального способа для борьбы с безработицей, как постройка крейсеров и миноносцев. Этим, кстати, дает либералу Кэнворти повод задать иронический вопрос—не лучше ли затеять „добрую" войну, тогда безработица совсем исчезнет. Но в отношении Германии у него другая тактика. Он посылает совету послов в Париже меморандум, в котором поддерживает предложение Франции о контроле над вооружением Германии.

Как мыслится оздоровление Германии при участии Англии, видно из проекта комиссии экспертов, в которой участвует и делегат Макдональда.

По сообщениям газет, проект этот сводится к следующему:

1) предоставление Германии моратория на 3 года к тем, чтобы она выплачивала ежегодно 300 миллионов золотых марок;

2) образование международного общества, выпускающего долгосрочные обязательства на сумму в 10 миллиардов марок под залог фондов германской промышленности; 60 проц. облигаций этого общества получает репарационная комиссия, а 40 проц.—германское правительство;

3) предоставление германским правительством международному обществу концессии на германские железные дороги сроком на 50 лет, при чем, половина акций и облигаций общества вручается репарационной комиссии и половина—Германии; в случае если железные дороги дают недостаточно прибыли, представитель союзников в управлении железных дорог автоматически занимает пост главноуправляющего дорогами;

4) выпуск ежегодно международного займа в $2^1/_2$ миллиарда золотых марок впредь до восстановления бюджетного равновесия Германии. Для осуществления этого займа создается международный банк, в административном совете которого половину членов составляют представители Германии.

5) помимо того, по истечении моратория Германия должна будет уплатить единовременно 2.500 миллионов золотых марок.

Что означает этот план „спасителей" Германии? Во-первых, передачу в руки ростовщиков международного капитала всей богатейшей сети железных дорог. Достаточно на минутку призадуматься над тем, что значит железнодорожная сеть в такой высоко развитой капиталистической стране, как Германия, чтобы уяснить себе, что это есть отказ от важнейших суверенных прав государства. Во-вторых, господство иностранных капиталистов в банкнотном банке, т. е. полное закабаление Германии, низведение ее на ступень колонии мировых хищников, а в частности превращение пролетариата в кули английских, французских, американских и др. банкиров.

А что же останется после всех этих неслыханных жертв с Рейнской и Рурской областями? Будут ли они возвращены Германии? Тут комиссия экспертов отделывается туманной фразой об „устранении французского управления", т. е. о замене его англо-франко-бельгийским управлением.

Но репарационная канитель и на этом не кончается. Решения комиссии экспертов не обязательны для правительств, и ее рекомендации вряд ли сдвинут вопрос с мертвой точки зрения. Но курс на „австризацию" Германии взят твердо и направляется он не только Пуанкаре, но и Макдональдом.

Банкротство германской буржуазии.

Германская буржуазия своей самостоятельной национальной внешне-политической линии не имеет. Она больше не способна бороться за национальную независимость. Перед лицом революции она думает только о том, как бы найти защиту против „своих" рабочих у тех же чернокожих из французских колоний, о присутствии которых на германской территории она разводит такую лицемерную шовинистическую демагогию.

Выступление Штреземана на съезде народной партии в Ганновере (30 марта) как нельзя лучше отражает эту политику германской буржуазии. С одной стороны, храброе выступление против „ужасных марксистских идей", а с другой—трусливое отступление перед западными империалистами. Если отбросить во внешнеполитической части этой речи пустую фразеологию, то сущность ее сводится к следующему:

„Сопротивление в Руре должно быть прекращено" (оно фактически давно уже прекращено, и Штреземан, очевидно, хочет покончить и с его жалкими остатками).

В случае освобождения оккупированных областей германское правительство согласно на „превращение рейхсбанка в международный банк, находящийся под международным контролем" и на превращение железных дорог в акционерные общества, где решающее влияние будет, конечно, за иностранными кредиторами.

Словом, Штреземан идет на капитуляцию. Вся его политика направлена лишь к тому, чтобы при новой форме эксплоатации германского народного добра, германские капиталисты не были окончательно оттеснены иностранцами и чтобы заставить пролетариат подчиниться этой эксплоатации.

Единственное, на что у германских капиталистов теперь хватает смелости, это добиваться пересмотра Дюссельдорфского соглашения, закрепляющего за Францией фактический контроль над всей рурской угольной промышленностью. В этом они встречают поддержку у Англии. Очень возможно, что вместо французского контроля богатейшая рурская и вся, вообще, рейнско-вестфальская промышленность попадут под двойной контроль Франции и Англии.

Новое в политике Италии.

Международное положение Германии находится отчасти под влиянием другого фактора—политики Италии. Этот фактор за последнее время начинает приобретать все большее значение

в силу политики Муссолини. Воинствующий национализм, как продолжение идеи „гармонии классов"—основной элемент фашизма. Итальянские фашисты мечтают о восстановлении былой славы древнего Рима. Победы на внешнем фронте, шовинистический угар им необходим для того, чтобы отвлечь внимание трудящихся масс от „проклятых" вопросов внутренней политики. Вот почему появление у власти Муссолини сразу ознаменовалось усиленной активностью во внешней политике Италии (наскок на Корфу, пробная высадка десанта в Танжере, союз с Испанией, нажим, а затем соглашение с Юго-Славией, решительный подход к „русскому вопросу" и т. д.).

Но что касается выбора между Англией и Францией, то здесь политическая линия Муссолини весьма зигзагообразна. Объясняется это тем, что Италия почти в одинаковой степени боится как Англии, так и Франции. А с другой стороны в Лондоне и Париже не доверяют Муссолини, хотя все же хотели бы привлечь его на свою сторону в одном случае против Макдональда, в другом—против Пуанкаре.

Для этой неустойчивости взаимоотношений между Италией и ее союзниками характерно сообщение „Дейли Герольд" из авторитетных французских источников, что Муссолини пригласил к себе французского посла в Риме и, указав ему на систематическое увеличение английской эскадры в Средиземном море и на укрепление морской базы в Мальте, намекнул на необходимость итальянско-французского соглашения против Англии.

В области экономической Муссолини настойчиво добивался широкого льготного снабжения усиленно покровительствуемой им отечественной тяжелой промышленности французской рудой и уменьшения пошлин на итальянские товары во Франции. Далее он дал понять, что соглашение может быть расширено привлечением Испании и превращено в латинский союз против Англии.

Но через пару недель тот же хорошо осведомленный корреспондент „Дейли Геральд" сообщал, что как только Муссолини дали понять с французской стороны о неприемлемости его требований относительно руды, он уже стал угрожать Франции соглашением с Англией.

В этом непостоянстве новой политики Италии есть, однако, одна постоянная упорная цель—экспансия (распространение) во чтобы то ни стало. Это чрезвычайно осложняет всю европейскую обстановку.

С приходом к власти фашизма в международных отношениях Европы прибавился еще один важный фактор, толкающий Европу по пути к лихорадочному вооружению—по пути к войне.

Что скажет Америка?

Совершенно естественно, что при такой перегруппировке сил, при таком общем нащупывании новых путей и общей напряженности атмосферы взоры всех спорящих капиталистических государств Европы обращены в сторону заокеанского империалистического колосса—Соед. Штатов. Для того, чтобы сыскать благоволение „американского дядюшки", Англия, закабалив себя на целых 64 года, не получая ни сантима от Франции, терпеливо платит американскому правительству 180 миллионов долларов в год; Франция, „делая хорошую мину в плохой игре", соглашается на передачу вопроса о германской платежеспособности комиссии экспертов с американцем (генералом Дауэсом) во главе; „великие" и малые государства с мольбой взирают на огромную, туго набитую мошну в руках „американского дядюшки",—словом Америка в центре внимания.

Какова же политика этой крупнейшей империалистической силы в мировом масштабе? Эта политика отличается нерешительностью, обратно-пропорциональной огромным возможностям американского империализма. Это парадоксальное положение объясняется внутренними политическими причинами.

Дело вот в чем: несмотря на то, что экспансивный американский империализм объективно никак не может вместиться в рамки старой политики „блестящей обособленности", ее традиции все еще сильно тяготеют над американской внешней политикой. Малейший промах, малейшая неудача в политике вмешательства в европейские дела сильное орудие в руки сторонников старой политики.

Но в то же время не подлежит сомнению, что в борьбе течений за и против вмешательства в европейские дела сторонники вмешательства постепенно берут верх. Могущественнейший американский капитал с его гигантскими финансовыми и военными ресурсами отбрасывает сковывающие его традиции „блестящей изоляции" и начинает давить на все рычаги международной политики.

Трудно оценить и охватить все последствия этого факта. Отметим только один момент, имеющий немалое значение для развития революционного движения. Выступая в роли банкира, точнее говоря, ростовщика по отношению к европейским странам, Америка, без сомнения, будет там оказывать давление в смысле „оздоровления" хозяйства и финансов и установления „прочного порядка". Что это значит—общеизвестно: сокращение зарплаты, удлинение рабочего дня, борьба с профсоюзами, борьба со всем революционным движением. Этот контр-революционный элемент американского вмешательства не следует упускать из виду при оценке общего международного положения и его будущих перспектив.

„Разоружение".

Поскольку Америка выступает на европейской арене она любит играть роль беспристрастного миротворца. И действительно, Америка искренно желает разоружения... Европы так же, как Макдональд искренно желает разоружения Франции и Германии, так же, как Пуанкаре... и т. д. и т. д.

Недавно американский сенат принял резолюцию прогрессистов о созыве новой международной конференции по сокращению вооружений, но Кулидж и Юз высказываются против этого.

Показателем насыщенности мировой атмосферы милитаризмом является римская конференция, созванная Лигой Наций для распространения благих решений Вашингтонской Конференции на другие государства, не участвовавшие в последней. Характерно, что в Риме были представлены все бывшие союзники, и Япония в том числе, а также СССР. Но Соедин. Штаты даже не послали своего „наблюдателя", как они поступают в аналогичных случаях. Для „результата" конференции характерно, что после ее закрытия Муссолини созвал совещание адмиралов, на котором произнес речь о необходимости немедленно приступить к усилению итальянского флота. Кроме того, Италия взяла на себя выполнение других военных заказов для Испании. Даже южно-американские государства-карлики никак не могли договориться между собой на конференции. Испания—та просто ушла с конференции, потому что политика крупных держав, в частности Англии, сводилась к тому, чтобы закрепить за собой преимущества вашингтонского соглашения за счет малых стран и СССР.

Правда, рабочее правительство Англии сделало красивый жест, отказавшись от постройки морской базы в Сингапуре. Но следует иметь в виду, что против этого проекта высказывались и многие эксперты по чисто техническим соображениям. Как бы то ни было, этот факт абсолютно не меняет общего положения. Для характеристики последнего приведем несколько любопытных фактов и цитат.

„Манчестер Гардиен", по либеральному обычаю уснащая свои комментарии пацифистскими вздохами, пишет по поводу дебатов о воздушном флоте на заседании английского парламента от 19 февраля:

„Конкретную фактическую сторону дебатов обрисовать нетрудно; если бы вопреки желаниям и стараниям всех здравомыслящих и приличных людей, вспыхнула война между Англией и Францией, она происходила бы в воздухе в первую очередь, а может-быть, исключительно в воздухе".

„Материалисты"—по терминологии „М. Г."—в парламенте говорили по существу так (как выглядят „идеалисты"—это мы увидим ниже):

„Если будут бомбардировать Лондон, бомбардируй Париж еще сильней".

Этот любовный романс, обращенный к союзнице Франции, называется entente cordiale—„сердечное соглашение"...

И далее другие заповеди:

„Старайся (бомбардировкой) убить детей врага в кроватях на 10% больше, чем он убивает твоих. Око за око, аэроплан за аэроплан, убитую женщину за убитую женщину. Но все с надбавкой".

И орган либералов вразумляет читателя, что на 600 боевых аэропланов Франции, Англия имеет только 80.

А теперь посмотрим, что говорят „идеалисты". Очевидно к ним „М. Г." склонен причислять выступавшего в дебатах товарища министра воздушной обороны Вилльяма Лича, члена рабочей партии. (Несколько слов об этом „рабочем" министре. Он так же, как и его отец—текстильный фабрикант. Указывая на это обстоятельство, специальный сборник изданный Рабочей партией по случаю прихода к власти, умильно прибавляет: Мистер Лич живой пример того, что Рабочая партия не классовая партия...").

Так вот у этого „идеалиста" Лича хватило „идеализма" ровно настолько, чтобы сказать красивую лицемерную фразу: „Если хочешь мира, готовься к миру", вместо старой: „Если хочешь мира, готовься к войне". Но вслед за этим он при возгласах „Позор!" со стороны некоторых левых рабочих депутатов заявил, что он хотя противник соревнования с Францией, но „пока" оставляет в силе все планы старого адмиралтейства. Эти планы исходят из старого положения—равенство с любой другой державой, в настоящих условиях—равенство с Францией.

Но это не удовлетворило адмирала Ситера, для которого они слишком „идеалистичны".

— Ну, воскликнул он, если мы в деле нашей безопасности в воздухе будем полагаться на заповеди нагорной проповеди—так помоги нам, бог!

Недаром говорят, что для англичан нет ничего более святого, чем библия. Этот благочестивый адмирал, очевидно, выдвигает лозунг Кромвеля: „На бога надейся, а порох держи сухим".

И действительно, порох в складах Англии и Франции не только сух, он уже в значительно подогретом состоянии... Это—не фраза, это объективная действительность... Один из наиболее видных английских журналистов Остин Гаррисон писал недавно в пацифистском „Форейн Офферс" („Иностранные дела"):

„Только война может разрешить создавшееся положение, только крах"...

А Ллойд Джордж заявил в одной из своих речей:

„Дела тревожны,—зловещи: только кончилась великая война, а теперь в Европе под ружьем больше солдат, чем до войны, несмотря на то, что 10 миллионов убили. Народы готовятся. Народы изобретают орудия войны. Сатана опять начинает шалить".

И в самом деле, „сатана шалит" и в правящей Рабочей партии. В „Нью Стэйтсмен"—органе фабьянцев—мы уже слышим совсем новые нотки:

„Рабочая партия вовсе не пацифистская партия... Если бы нам пришлось подвергнуться воздушной атаке со стороны Франции, нашей единственной защитой была бы еще более разрушительная атака против Парижа... Мы должны быть благоразумны и усилить наш воздушный флот".

Вот как заговорил журнал группы, имеющей своего представителя в английском „рабочем" правительстве (Вебб)! Вот до чего накалена атмосфера. Готовится новая война, непомерно

более разрушительная, чем „великая война". В этой войне удушливые газы в комбинации с воздушным флотом сыграют чудовищную разрушительную роль. Война неизбежна. Атмосфера уже начинает насыщаться теми удушливыми газами, которые принесут ужасную смерть целым армиям, целым городам, миллионам мужчин, женщин и детей. Мир может спасти от новых неслыханных ужасов только пролетарская революция.

P. S. После того, как статья была сдана в набор, англо-французские отношения еще более обострились в связи с резкими выступлениями английской печати по поводу нового шахматного хода Пуанкаре — муссирования старого вопроса о „гарантиях безопасности для Франции".

Сдвиг в Америке в пользу более активного вмешательства в европейские дела, все огромное значение которого обрисовано в обзоре, находит свое подтверждение в оживленном интересе американских политических кругов к докладу экспертов и в резолюции консервативного республиканца-сенатора Пепора в пользу созыва международной конференции по вопросам о сокращении вооружений, международном суде и. т. д.

Освещение этих вопросов в связи с дальнейшим развитием событий—в следующем обзоре.

Т. К.

Советский Союз и буржуазные государства.

После сорванного западными империалистами советско-китайского соглашения на основе признания нас де-юре, в процессе „признаний" наступила заминка. Более того, последние недели прошли под знаком усиления враждебности к нам со стороны некоторых капиталистических стран. В этом отношении весьма знаменательна

Венская конференция.

Конференция открылась 27-го марта. Не прожив и недели, она 2-го апреля была сорвана румынской делегацией на Бессарабском вопросе. Румынские дипломаты сразу обострили положение тем, что сделали поистине смешную попытку взять нашу делегацию „нахрапом". Бессарабский вопрос—заявили они—исключается из дискуссии; для Румынии, это решеный вопрос—и факт приезда Советской делегации уже является выражением согласия с такой точкой зрения (!).

Но бело-румыны сейчас же почувствовали, что вопрос далеко не решен для другой стороны, для СССР, следовательно, он и вообще не решен. Председатель советской делегации тов. Крестинский заявил:

„Правительство СССР, а до образования Союза СССР правительства РСФСР и УССР, никогда не давало своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривает оккупацию Бессарабии в 1918 г. румынскими войсками, оккупацию, продолжающуюся доныне, как насильственный захват этой области.

Румынское правительство само не стояло вначале на той точке зрения, которую оно сейчас выдвигает. Так, румынское командование, вводя в январе 1918 г. свои войска в Бессарабию, объявило населению Бессарабии, что введение войск носит временный характер, и что румынские солдаты вернутся на родину".

„Наконец, сам председатель румынского совета министров Авереску в марте 1918 г. подписал с представителем Советского правительства Раковским и военно-революционными организациями румынского фронта и Одесской области

соглашение, по которому обязался от имени румынского правительства очистить в двухмесячный срок Бессарабию от румынских войск".

Касаясь принципиальной стороны вопроса, тов. Крестинский заявил:

„Союзное советское правительство подчеркивает, что в бессарабском вопросе оно не стоит на точке зрения исторических прав по отношению к Бессарабии, унаследованных ими от царского правительства. Советское правительство не стремится во что бы то ни стало удержать Бессарабию в составе СССР".

За этим последовало то предложение, которое окончательно сбило с позиции румынских империалистов и разоблачило их перед лицом всего мира: последовало предложение об опросе самого населения Бессарабии—о плебисците.

„Если бы румынское правительство,— аргументировала наша декларация,— думало, что подавляющее большинство бессарабского населения искренно считает себя румынами и желает вхождения Бессарабии в состав Румынии, румынскому правительству нечего было бы опасаться результатов плебисцита и уклоняться от него".

Но румынское правительство, конечно, так не думает, оно имеет все основания опасаться плебисцита, и его дипломаты отклонили наше требование неуклюжей смешной ссылкой на то, что оно „вызвало бы разногласия среди союзников, признавших присоединение Бессарабии к Румынии!" В ответ на повторное предложение тов. Крестинского о плебисците на заседании от 2 апреля румынской делегации осталось только заявить, что ее вовлекли в невыгодную сделку; из обмена мнений в Лозанне у румынских дипломатов составилось, дескать, впечатление, что советское правительство откажется от Бессарабии, а тут—плебисцит. „В виду позиции Советского правительства—говорилось в румынской декларации—румынская делегация считает необходимым прервать конференцию до того момента, пока советское правительство откажется от своей точки зрения".

Советско-румынское соглашение сорвано, но бессарабский вопрос поставлен. Весь мир теперь знает, что это вопрос нерешенный. Но этого мало. Выдвигая лозунг плебисцита, советская делегация дала толчок к постановке в балканизированной Европе ряда аналогичных вопросов.

Румынская „демократия" беспощадно угнетает три миллиона венгерцев, украинцев, молдаван, немцев, болгар и т. д. Но аналогичное положение существует и в Польше, и в Чехо-Словакии, и в Юго-Славии, и других странах, и среди угнетенных национальностей этих стран лозунги советской делегации на Венской конференции найдут широкий отклик.

Зато совсем иначе реагировали на Венскую конференцию империалисты. Особую роль здесь играла

Франция.

Ратификация французским парламентом грабительского захвата Бессарабии и та щедрая поддержка, которая оказывалась французской дипломатией Румынии в связи с конференцией свидетельствует, как сильны еще во Франции враждебные нам факторы.

Бессарабский вопрос—не следует этого забывать—был пробным камнем для французской дипломатии. Либо курс на сближение с Советской Россией и тогда, по крайней мере, нейтралитет в бессарабском вопросе, либо старый курс: Румыния и Польша против СССР и, следовательно, санкция румынского грабежа. Пуанкаре выбрал второй курс, и мы очутились в полосе ухудшения франко-советских отношений. И характерно, что такой курс как-раз совпадает с поворотом французских правящих кругов на несколько градусов влево, в связи с вхождением в преобразованный кабинет Пуанкаре представителей правой части левого блока,—Жувенеля и Лушера. Впрочем, это неудивительно, если иметь в виду, что часть радикалов голосовала в палате депутатов заодно с черносотенцами Национального Блока за ратификацию румынского захвата.

Следует подчеркнуть все эти факты, чтобы трезво оценить перспективы наших взаимоотношений с Францией в связи с ожидаемой там победой левого крыла буржуазии на предстоящих в начале мая выборах. Нужно иметь в виду, что если во Франции и идет значительный сдвиг в пользу сближения с СССР, то над французской дипломатией тяготит проклятие инерции всей послевоенной политики румынско-польско-прибалтийского кордона против большевистской СССР.

Благоприятнее развивались за последние время наши

Отношения с Англией.

В первых числах апреля в Лондон выехала наша делегация на предстоящую советско-английскую конференцию. На этой конференции будут разбираться вопросы огромнейшего для нас значения. Нам будут предъявляться претензии о долгах, о компенсировании британских граждан за национализированное имущество; с другой стороны, мы будем предъявлять наши крупные контр-претензии; будет разбираться вопрос о кредитах, об урегулировании множества других вопросов, которые должны составить базу для установления нормальных экономических и политических отношений между обеими странами.

Каковы перспективы англо-советской конференции? Что с нашей стороны будет сделано все возможное для взаимно-выгодного соглашения, об этом распространяться не приходится. Но приходится серьезно опасаться влияний со стороны т.-н. британских кредиторов и скрытого саботажа тех органов старого государственного аппарата, которые будут соприкасаться с переговорами. Дурным предвестником в этом смысле является бешеная атака лордов Керзона и Эммота против СССР и русской политики Макдо-

нальда на заседании палаты лордов от 26 марта. У бывшего главы „форейн оффис" (министр иностранных дел) к обычному керзонизму еще прибавилось раздражение человека, оставшегося не у дела, и он распоясался во-всю. После выпадов вроде того, что „в Южной Африке работают большевистские агентства, деятельность которых направлена к разрушению Ю.-Африканского союза", Керзон бросил провокационную фразу, рассчитанную на то, чтобы напугать обывателя и несознательного рабочего:

„Российское правительство—сказал он—потребует долгосрочных кредитов... не для того, чтобы давать заказы британским заводам, а для того, чтобы восстановить свою собственную промышленность и конкурировать с промышленностью нашей страны". (Возгласы лордов: Внимание! Внимание!) И с типично керзоновским цинизмом, руководитель английской внешней политики прибавил: признанием Советского правительства „мы отказались от наиболее действительного средства давления" (Таймс 27. 3).

Эта атака имела определенную конкретную цель—создать тяжелую атмосферу вокруг открывающейся конференции. Отсюда и злостная кампания против тов. Ротштейна, назначенного генеральным секретарем делегации, провокационные слухи, будто т. Литвинову отказано в визе и т. д.

Наши отношения с Италией.

С 23 марта вступил в силу торговый договор и таможенная конвенция с Италией. Этот договор, на ряду с полным признанием СССР де-юре, содержит и признание нашей монополии внешней торговли и регулирует правовое положение нашего торгпредства в Италии, предоставляя ему ряд льгот. Таможенная конвенция предусматривает обоюдные пошлинные льготы. Все это открывает широкие перспективы для торговли и политического сближения между обеими странами. Как результат договора, следует, между прочим, отметить создание в Венеции общества торговли с СССР с капиталом в 100 миллионов лир. С точки зрения политической важно отметить, что Италия, в отличие от Франции, не ратифицировала постановления совета послов, „отдавшего" Бессарабию Румынии.

Характер японской политики.

Япония, вслед за Францией, поторопилась занять враждебную позицию по отношению к СССР, изъявляя готовность ратифицировать грабительский захват Бессарабии. Тут как-будто сказалось своеобразная солидарность захватчиков (северный Сахалин), а в еще большей степени новый агрессивный поворот японской политики на Дальнем Востоке.

Этот поворот проявился в целом ряде враждебных актов и весьма подозрительных закулисных махинациях. Опасаясь общего соглашения между нами и Китаем, и в частности соглашения по вопросу о восточно-китайской железной дороге, японское правительство через своих бесчисленных агентов стало оказывать давление на правительство Китая в его попытке сближения с СССР. Одновременно оно опять приступило к мобилизации остатков белогвардейщины на Дальнем Востоке и стало якшаться с бандитом Семеновым, который стал подвизаться в Токио. А в иностранной печати вдруг стали появляться кем-то инспирированные сообщения о том, что СССР якобы готовится к военным действиям с Китаем в связи с разрывом советско-китайских переговоров в Пекине. Все это должно было служить дипломатическим прикрытием для концентрации японских военных сил в Корее и южной Манчжурии.

Что все это означает? Неужели Япония готовится к новой интервенции после печального опыта старой? Возможно, что японские империалисты еще раз хотят использовать белогвардейщину, как пушечное мясо в деле дипломатического нажима на СССР накануне неизбежных серьезных переговоров об урегулировании взаимных отношений. Возможно, что японские империалисты хотят повторить прием 2-го апреля 1922 г., когда японские войска накануне окончания переговоров в Дайрене неожиданно напали на войска Дальне-Восточной Республики, да еще подняли гвалт в своей и иностранной прессе, будто коварные большевики нанесли удар в спину японскому гарнизону.

Эта политика авантюр получает опору в дальне-восточных интригах Франции против нас. За первой нотой, имевшей целью сорвать советско-китайское соглашение в середине марта, в начале апреля последовала другая нота с предъявлением „прав" на русскую концессию в Ханькоу. Таким образом, мы видим, что политика Франции как бы дополняет политику Японии, и невольно возникает вопрос, нет ли здесь сознательного определенного согласования?

Роль Америки.

Еще Вашингтонская конференция ясно выявила, что проникновение в Китай составляет основную цель американского империализма, упорно добивавшегося на конференции признания принципа „открытых дверей". Время истекшее после Вашингтонской конференции, прошло для Соединенных Штатов под знаком значительного подъема промышленности и расцвета грюндерства (создания новых предприятий); стремительная тяга разбухшего американского капитала в Китай еще более усилилась. Но как ни широки китайские „открытые двери", американскому и японскому империализму не пройти через них одновременно. Отсюда—прогрессирующее обострение американско-японского антагонизма на Дальнем Востоке; отсюда такое положение: американская дипломатия интригует против нас в Китае и зарится на Восточно-Китайскую жел. дорогу не меньше, чем Япония; но в то же время она косвенно действует нам на руку, не допуская чрезмерного усиления японского влияния. (По той же причине Юз, не пригласивший Советского правительства на Вашингтонскую конференцию, все же играл на ней роль „защитника интересов русского народа"). Еще больше оснований для Америки—а также

для Англии—не допускать единого японско-французского фронта на Дальнем Востоке.

Что касается общих настроений в Америке по отношению к нам, то интерес к СССР, за последнее время ослабленный всепоглащающим нефтяным скандалом, снова несколько оживился в связи с другим скандалом—разоблачениями капитана Мартина о контрреволюционной деятельности АРА в эпоху интервенции.

В общем, общественный сдвиг в Америке в сторону признания СССР постепенно углубляется и еще более углубится в связи с приближающимся разгаром предвыборной кампании. От исхода этих выборов зависит и будущее развитие советско-американских отношений. Если останется у власти—как ее называют в Америке—„старая гвардия“ или „машина“ ныне правящей республиканской партии, развитие пойдет медленным темпом. Если победит прогрессивный блок—а это весьма вероятно — дело пойдет значительно быстрее. Но так или иначе, законы „признания“ писаны и для Америки. Это, очевидно, понимают командующие капиталистические круги. Так, например, орган финансистов „Уолл Стрит Джорнал“— в передовой от 28-го марта, озаглавленной „Великан пробуждается“, писал по поводу возрождения нашего хлебного экспорта.

„Россия возрождается... Русская валюта одна из немногих, которая котируется выше доллара... Население (Америки) начинает выказывать интерес к СССР... Ничто больше не может задержать окончательного восстановления СССР“.

Малые страны.

Чехо-Словакия все еще не вышла из состояния „принципиальной готовности признания“ с неизбежным „но“... Юго-Славия ждет примера храбрости со стороны Чехо-Словакии, а последняя не спускает глаз с Франции. Бельгия по той же причине не решается итти дальше переговоров о советской торговой базе в Антверпене; Голландия, несмотря на то, что ее печать открыто высказывает тревогу, как бы Антверпен не отвлек советской торговли от Амстердама и Ротердама, медлит с переговорами и заявляет устами своего мининдел Карнабека, что, дескать, „признание СССР де-юре—вопрос чрезвычайно сложный“.

Явный поворот к худшему наметился в Польше. Герой киевского похода (в два конца) Пилсудский опять начинает появляться на политической сцене. Польские военные круги принимают визит представителя румынского генштаба Флореску, а польский военный министр Сикорский предпринимает инспекционную поездку вдоль восточной границы и произносит речь о необходимости увеличить воздушный флот. В то же время польская дипломатия продолжает свою политику, направленную против СССР в прибалтийских странах. И вряд ли приходится сомневаться, что такой факт, как отказ Латвии подписать с нами договор о ненападении, нейтралитете и транзите, в значительной степени связан с влияниями из Варшавы.

Много внимания уделяли в Польше укрупнению Белоруссии. У нас это произошло очень просто. Раз интересы культурного и хозяйственного развития Белорусской Советской Социалистической Республики требуют такого укрупнения, то это в конечном счете—при нашей государственной системе—выгодно и для всего Союза. И вопрос был решен путем простого соглашения между РСФСР, УССР и БССР.

Но почему польская буржуазная печать уделяет столько внимания этой внутренней передвижке границ между союзными республиками в СССР и комментирует его чуть ли не как враждебный акт по отношению к Польше? Потому что национальный вопрос для нее слабая сторона, а для нас — сильная. Недаром „Курьер Варшавский“ писал по поводу укрупнения Белоруссии:

„Вдоль нашей восточной границы растет и углубляется русский гипноз. Мы видим, что наиболее национально настроенные украинцы, (а в другом месте статьи речь идет о белоруссах) ориентируются на большевиков“...

P. S. Из фактов, имевших место во время верстки номера, должны быть отмечены следующие:

Наглое вмешательство Пуанкаре в пользу киевских предателей из „Центра Действия“ (телеграмма на имя Чичерина от 7-го апреля).

Ответная нота тов. Чичерина от 11-го апреля, которая „с негодованием отклоняет попытку французского правительства вмешаться в судебное разбирательство дела о киевских шпионах и изменниках“.

Запрос Де-Монси о возобновлении сношений с СССР и сравнительно корректный по форме, но непримиримый по существу ответ Пуанкаре.

Дальнейшие нападки консерваторов на Советское правительство, выразившиеся в запросах правительству на заседании палаты общин от 7-го апреля.

Освещение этих фактов в связи с дальнейшим ходом событий в следующем обзоре.

В. А.

Внутренняя жизнь.

К положению в деревне.

В нашей партии все шире и шире обсуждаются вопросы, связанные с работой в деревне. Предстоящий XIII съезд партии в первую очередь займется этими вопросами.

Не случайность, что деревня еще и еще раз становится в порядок дня партийного съезда. Подпочвенные экономические и социальные процессы за годы НЭП'а уже успели произвести довольно значительное изменение в облике советского села. Вновь всплывает и обостряется вопрос о кулаке и бедняке. Местами это начинает получать даже и политическое выражение. На одном полюсе деревни, как мы отмечали прошлый раз, просачивается кулацкое требование „крестьянского союза". На другом стихийно, без всякого нашего вмешательства возрождаются комитеты бедноты. Вот что, например, гласит отчет о пленуме Уральского областного комитета партии:

„Сообщения из деревни говорят, что последнее время тяга кулаков и полукулаков к организованным выступлениям в той или другой форме увеличивается; с другой стороны, в последнее время наблюдается тяга к самостоятельной классовой организации „для борьбы против богатых" со стороны деревенской бедноты, особенно из числа бывших рабочих и красноармейцев. В Сарапульском округе зарегистрированы два случая возникновения таких, своего рода, „комбедов", без участия местных парторганизаций. Беднота организуется медленнее, чем кулачество, и со стороны местных деревенских парторганизаций, вследствие их слабости, до последнего времени не было должной помощи бедноте в этом направлении".

Таким образом, со стороны бедноты мы видим совершенно инстинктивный жест самозащиты от домогательств кулачества. Два Сарапульских „комбеда" не могут нами расцениваться иначе, как симптом, признак усиливающейся классовой борьбы в деревне, которая, при известных условиях, может еще более разрастись и углубиться.

В данный момент, на данной стадии развития классовых противоречий в даревне, кулацкое влияние еще не представляет сколько-нибудь реальной угрозы Советской власти и нашей пар-

тии. Наоборот, как мы отмечали прошлый раз, крестьянство на перевыборах советов проявило возросший интерес к работе советов и рост политического доверия к РКП. Может лишь встать вопрос, не изменилось ли положение к концу зимы, к весне, как ко времени наиболее трудному для бедных слоев крестьяства?

Есть данные утверждать, что особых серьезных перемен в настроении крестьянства не произошло. Так, можно уже определенно констатировать, что „Ленинский призыв" рабочих в нашу партию вызвал встречный отклик и в среде крестьянства. Из ряда губерний сообщают о многочисленных заявлениях, в которых крестьяне просят принять их в партию, нет оснований усомниться, что идет именно бедный или средний элемент крестьянства.

Кроме того, еще более чутко чем партия отмечает подобные настроения в среде крестьянства наш Коммунистический Союз Молодежи. Всю эту зиму местные организации комсомола почти всюду стояли перед фактом широкого наплыва крестьянской молодежи, желающей вступить в союз.

Это—массовый и потому бесспорный показатель, если угодно—„барометр" деревенских настроений, и, опять-таки, совсем не кулацких настроений. Широкая масса крестьянства, проявляя рост политической активности, сейчас идет за нами, а не за кулаком. Мы должны следить за дальнейшими колебаниями в деревне, используя и закрепляя всеми путями то влияние на крестьянскую массу, которое мы уже имеем.

Сейчас мы уже стоим перед посевной и вообще весенней кампанией в деревне. Крестьянские посевы на текущий год снова возросли, почти достигнув военного времени и дойдя до четырех пятых довоенного уровня. Виды на урожай удовлетворительны, а местами хороши (см. „Правду" от 5 апреля № 78).

Стихийных или вообще захватывающих все крестьянское хозяйство кризисов и катастроф в этом году ожидать мы, пока что, никаких оснований не имеем.

Однако, теперь было бы ошибкой от перспектив общего подъема крестьянского хозяйства непосредственно и огульно заключать к укреплению нашего политического влияния в деревне. Так суммарно мы могли еще рассуждать в первые годы нэп'а, когда крестьянство было наиболее нивеллировано, осереднячено. К этому положению сейчас мы вносим корректив на расслоение крестьянства, которое происходит на наших глазах. Поэтому, мы не просто должны, в предстоящую весеннюю кампанию „помогать крестьянскому хозяйству", но мы должны обратить внимание на классовый характер этой помощи, помочь бедняку и середняку, шире поставить вопрос о кооперировании массы крестьянства, о кредите, кооперации и маломощным крестьянам, о семссуде именно им и т. д.

Серьезность процессов, происходящих в деревне, необходимость лучше к ним присмотреться и научиться на них экономически влиять, заставляет всю партию уделить особое внимание предстоящей весенней кампании.

Вместе с тем, мы должны обратить сугубое внимание на вовлечение крестьянства в нашу общественную жизнь в деревне, в работу советов, комитетов взаимопомощи в кооперацию, в культурничество и т. д.

Мы должны стараться дать деловую работу, привлечь к участию в новом строительстве каждого крестьянина, желающего так или иначе помочь Советской власти в разрешении различных деревенских общественных нужд.

Нужно оживить работу волостных советов тем более, что новые бюджеты дают некоторую возможность для расширения их деятельности.

Словом, советскую общественность в деревне мы должны твердо и неуклонно противопоставлять кулацким влияниям и их лозунгам.

Профессиональный союз работников земли и леса (Всеработземлес) должен также, не замыкаясь в рамки цеховых интересов, сыграть политическую роль в деревне, захватывая и организуя батрацкие элементы, работающие у кулаков. Надо сознаться, что эта сторона в деятельности союза еще слаба. Так на 1-ое января 1924 года из 281.012 членов союза батраков было 22.026, или 7,8%; членов коммун и артелей—530 человек (0,2%). Итого во внегосударственных предприятиях и учреждениях (совхозы, лесное хозяйство) занято лишь 8% членов союза. Что касается движения общего количества членов союза, то к августу 1921 года он дорос до 761.240 членов, зачем началось падение до 249.072 к 1 января 1923 г. Весь прошлый год шел медленный рост до 296.410 на 1-ое ноября, и лишь за конец года, в связи с сокращением совхозов, цифра снова несколько упала—до 281.012 чел.

Кроме задачи оживления деятельности Всеработземлеса, актуальной делается задача привлечения всей массы деревенского учительства на нашу сторону. В значительных кругах оно уже становится советской интеллигенцией. Наша задача: всячески ускорять этот естественный процесс, энергично борясь с буржуазной идеологией за овладение этим культурным приводным ремнем к многомиллионному крестьянству.

Говоря о смычке города с деревней, нельзя пройти мимо огромной роли, какую здесь играет Красная армия. Достаточно вспомнить отъезжающих сейчас в деревню отпускников. Пролетарский город провожает их многочисленными „вечерами смычки“, субботниками по починке обуви и обмундирования и проч. У редакции „Крестьянской газеты“ каждое утро толпятся отпускники в очередях за подпиской.

Характерен пример гомельских рабочих: завод „Двигатель революции“ дарит пяти товарищам-отпускникам, односельчанам села Воздвиженки, Ставропольской губернии, плуг своего изготовления. Другой завод „Пролетарий“—дает ссоморезку семи односельчанам той же губернии, уезжающим в отпуск из Красной армии. В Тифлисе отпускники организуют ряд экскурсий на фабрики. Рабочие всюду подписываются на газеты отпускникам. В Ленинграде отмечено много случаев, когда отпускники просили оставить их добровольцами в Красной армии.

Отпускники едут обмундированными. На год со дня мобилизации они будут пользоваться льготами по обзаведению хозяйством,—семссудой—в первую очередь, лесом по пониженным ценам, правом на внеочередное решение их земельных дел, внеочередным пользованием живым и мертвым инвентарем с прокатных пунктов и т. д.

Мы сумели сделать нашу Красную армию одним из могучих приводов от города к деревне и, в первую очередь, рассадником культуры, грамотности, сознательности и протетарского влияния.

Параллельно с отпусками проводится новый призыв в армию родившихся в 1902 году. Мы, наконец, переходим к плановому регулированию личного состава армии, кончая с одной из болезней нашей армии—текучестью ее состава. В этом один из залогов усиления боеспособности армии. Вместе с тем, в Советской Республике призыв в Красную армию есть не только военно-техническое, но и политическое задание, к содействию которому на известный срок должны быть призваны все наши организации и учреждения.

Партия и РКСМ.

Вопрос о приеме в партию крестьян, конечно, не может быть поставлен нами так широко, как в отношении рабочих. Каждый крестьянин, если только он не батрак-пролетарий, является мелким собственником и по своей природе особо подвержен влияниям буржуазии. Мы не можем, поэтому рисковать огромным разбуханием партии за счет колеблющегося мелкособственнического элемента. Партия должна остаться преимущественно рабочей по своему составу. Но понятно, что лучших революционных крестьян, в особенности из зарекомендовавших себя на гражданских фронтах и из бедняков, мы должны отобрать и принять в свои ряды. Они будут незаменимы для нас в деле влияния на деревню.

Несколько иначе мы подойдем к приему крестьянской молодежи в РКСМ. Конечно, и здесь должны быть строго отсеяны кулацкие или хулиганские элементы, пробирающиеся в союз с целью его разложения. Конечно, и здесь мы должны быть строги в отборе. Но все же в союз мы должны больше принять крестьян, чем в партию. Комсомол в деревне уже становится деревенской школой коммунизма, и это его значение сейчас мы должны усилить.

В комсомольских организациях кое-где на этот счет еще существует известная косность, инерция и пережитки, если так можно выразиться, узкой цеховщины. Считают, что союз существует только для рабочей молодежи и ничего иного не хотят знать. Надо каждому комсомольцу у кого существует такое настроение, разъяснить, что интересы рабочего класса состоят не в том, чтобы китайской стеной отгородиться от крестьянства, в том числе и от крестьянской молодежи, а в том, чтобы взять под свое влияние, под свою гегемонию крестьянство, и то революционное, что живет в лучшей части крестьянской молодежи. Не бояться (!) крестьянской молодежи, а сохра-

нять политическое влияние коммунистической партии над ней внутри, и вне союзов молодежи.

Таким образом, для руководящих кадров рабочей молодежи союз явится школой коммунизма, помимо прочего, и еще в одном отношении: в смысле учобы тому, как проводить влияние пролетариата на крестьянство. Это будет лучшей подготовкой к работе в партии и в советах.

Именно по этой линии идут резолюции, принятые по вопросу о работе в деревне последним апрельским пленумом ЦК РКСМ. Вместе с тем, встает задача укрепления деревенских и уездных организаций союза, а для партии—усиления идейного влияния на союз сверху донизу, так как ясны и опасности, которые может принести союзу слишком широкий приток новых, в особенности мелко-буржуазных, элементов.

Резолюция Пленума ЦК РКСМ „Об итогах обсуждений очередных задач союза" в пункте о деревне гласит:

> „Расширяя сеть деревенских организаций союза и количественно увеличивая состав деревенских ячеек, союз должен в первую очередь, завоевать беднейшие низы деревни, т.-е. ориентироваться при приеме в союз в постановке деревенской работы на беднейшую крестьянскую молодежь, с.-х. рабочих и батраков. Одновременно нужно вовлекать в наши ряды и лучшую часть середняцкой крестьянской молодежи. Пленум ЦК особенно подчеркивает, что с задачей расширения нашего слияния в деревне мы сможем справиться лишь в том случае, если деревенская работа будет проводиться не только комитетами и инструкторами союза, но и всем союзом в целом. Поэтому необходимо широкое развитие и укрепление работы по шефству горорганизаций над деревенскими организациями союза".

В своей внутренней жизни наша партия сейчас занята коммунистической обработкой нового ленинского призыва. ЦК РКП, в согласии с принятым курсом на рабочую демократию в партии, вынес постановление о предоставлении вновь вступившим рабочим права участия в выборах на ближайший партийный съезд. Таким образом, партия им сразу дает не одно книжное, но и практически-политическое воспитание.

Кружки партийного самообразования и курсы ленинизма растут все еще не по дням, а по часам. Но в то же время начинается и работа по выдвижению рядовиков партийцев из „ленинского призыва" на ответственные посты. В Ленинграде новые члены партии систематически проводятся в бюро ячеек. В Москве намечено выдвижение „трехсот" для работы в губернском и всероссийском масштабе.

Вместе с тем, началась самочистка партии от социально-чуждых элементов. В Москве районные тройки чистят от 20 до 30 процентов (а местами и больше) общего количества советских и вузовских ячеек. (Рабочие ячейки чистке не подлежат).

У некоторых товарищей родились опасения, что чистка примет характер огульного исключения „оппозиции". Подобные сомнения были вынесены тов. Миньковым на страницы „Правды" и

были рассеяны тт. Сольцем и Ярославским (см. „Правда" № 81 от 9/IV—24 г.). Разумеется, принадлежность к оппозиции во время минувшей дискуссии не может остановить партию от исключения того или иного чуждого партии товарища. Соображения в роде того, „что скажет Марья Алексеевна" никакой роли в наших рядах играть не могут. Но не менее понятно, что при исключении из партии голосование за линию ЦК во время дискуссии также не может служить для всех и вся „свидетельством о благонадежности".

Для партии осужденный ею мелкобуржуазный уклон явился лишь косвенным показателем зараженности ее организма мелкобуржуазными, не переварившимися в партии элементами. При чистке же кандидатура каждого товарища обсуждается исключительно индивидуально и вопрос о нем решается его партийной активностью, связью с массовой работой, коммунистической выдержанностью и т. п. Внимательное отношение, которое старые рабочие-партийцы проявляют при чистке ячеек, гарантирует ее успех и большую пользу для партии.

В ближайшее время вся партийная жизнь встанет под знак подготовки к XIII партийному съезду.

* *

Из отдельных фактов политического значения серьезного внимания заслуживает только закончившийся киевский процесс контр-революционного „Центра Действия". Его мы коснемся в следующем номере журнала.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор литературы о Ленине и ленинизме.

I.

Все величие, ценность и близость большого человека чувствуешь особенно остро тогда, когда этого человека теряешь. Смерть тов. Ленина, вызвав необычайное движение в широких массах трудящихся, приковала внимание этих масс к фигуре великого вождя. Интерес к Ленину в рабочей и крестьянской среде растет, да и партийные тт. желают лучше знать Ленина, знать его жизнь, его деятельность, его особенности.

Вот почему в последние дни на книжном рынке появилось много новых работ о Ленине.

Мы намереваемся здесь остановить внимание тт. пока на четырех книжках о Ленине.

Для бесспартийной массы предназначается брошюра В. И. Невского „Ленин" (Госиздат, 1924 г., 39 стр. Тираж 30 тыс.), вышедшая уже давно и теперь переизданная, и новая брошюра И. Ходоровского „В. И. Ленин" (Госиздат, 32 стр. 1924 г. Тираж 50 тыс.).

Обычным недостатком наших популярных брошюр является отсутствие живого конкретного материала, ярких и интересных примеров, некоторая суховатость этих работ.

Этих недостатков не чужды и названные брошюры, хотя и в разной степени.

Сравнивая эти две популярные брошюры, мы не можем не отдать предпочтения первой.

Во-первых, потому, что она написана много проще, чем вторая,—и может быть понята даже малограмотным крестьянином; во-вторых, потому, что она вполне освещает деятельность тов. Ленина и, в третьих, потому, что ленинизм представлен выпукло, благодаря постоянному противопоставлению ленинской тактики—тактике меньшевиков.

Желательно только, чтобы при переиздании своей брошюры тов. Невский разбил ее на главы, что облегчит понимание общего плана работы. Брошюра тов. Ходоровского может обслуживать рабочего, но для крестьян она трудна.

На партийного середняка рассчитана блестящая по форме и увлекательная по содержанию брошюра Г. Зиновьева „В. И. Ленин" (Изд. „Красная Новь", 1924 г., 40 стр. Тир. 55 тыс.), к которой приложена статья: „Кончина Ленина и задачи ленинцев".

Брошюра представляет из себя чуть измененную речь т. Зиновьева, произнесенную им на заседании Петросовета в связи с покушением эсеров на т. Ленина в 1918 г.

Вся эта речь дышит глубокой любовью к вождю, тонким пониманием его тактики и изобилует живыми, интересными примерами, знать которые дано не каждому. Горячо рекомендуем ее каждому партийцу для первоначального знакомства с Лениным и ленинизмом.

Книжка тт. Н. Н. Попова и Я. А. Яковлева „Жизнь Ленина и ленинизм" („Красная Новь", Москва, 1924 г., 114 стр. Тираж 50 тыс.) рассчитана на более подготовленного партийца.

Предисловие гласит, что „брошюра написана тт. Поповым и Яковлевым в течение двух суток".

Эта спешность выполнения, несомненно, положила на работу товарищей отпечаток схематичности. В первой, в общем недурной, статье тов. Н. Н. Попова „Жизнь Ленина" бросается в глаза диспропорциональность работы: период до войны 1914 г. получил освещение на 25 страницах, эпоха войны и революции получила отражение всего на 7 стр. (90-е гг.—6 стр. „Мировая война и февральская рев."—2 стр.).

Первые главы подкрепляются цитатами из Ленина,—последние этих цитат совсем не имеют.

Эта диспропорциональность работы исключает возможность выяснения роли Ленина, как партийного теоретика и практика эпохи финансового капитала и социалистической революции.

Та же схематичность работы мешает автору остановиться на крайне важном моменте разногласий по принципам партийной организации между большевиками и меньшевиками на II съезде, и разногласиях по аграрному вопросу на Стокгольмском объединенном съезде (в то время как этот вопрос был узловым, стягивающим воедино все тактические проблемы) и т. д.

Статья тов. Яковлева „Ленинизм", несмотря на ту же схематичность, написана прекрасно.

Узлы завязаны у места, цифры подобраны исключительно удачно, статья продуманная.

Нельзя лишь согласится с следующим положением тов. Яковлева.

„Много есть людей, которые могут дать прекрасный анализ соотношения классовых сил как в русском, так и в международном масштабе. Анализ соотношения классовых сил в превосходной форме не раз давал и Мартов, который войдет в историю, как пример сильного ума, не умеющего от превосходной теории перейти к революционной практике и потому запутавшегося безнадежно и утонувшего в болоте мещанства II Интернационала“ (51 стр.)

Насчет „превосходной формы“ не спорим, но против способности „дать прекрасный анализ соотношения классовых сил“— категорически протестуем. Практический оппортунизм меньшевиков увязывается в их теоретический оппортунизм.

Этот теоретический оппортунизм налицо в работах меньшевиков, где речь идет о классовой природе государства, и тем более в работах, дающих анализ классового переплета в определенный исторический момент.

Меньшевики — и Мартов вместе со всеми — преувеличивали всегда роль буржуазно-либерального течения, всегда недооценивали роль крестьянства и даже не понимали социальной природы самодержавия.

Все это старо, как мир, но если потребуется, можно доказать и еще раз.

А. Слепков.

С. Пионтковский. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. 124 стр. Госиздат, издание Истпарта.

Нельзя не приветствовать, когда наши историки, наконец, вылезают из архивного хлама всяческих „писцовых книг“ и берутся за обработку свежего материала по истории XX века, тем более—по истории Октябрьской революции. Но нельзя забывать, что в этом случае на историков ложится гораздо большая ответственность. Если мы с легким сердцем можем допустить в нашей среде различные точки зрения, например, на происхождение Дмитрия Самозванца, то на социальный смысл Октября у партии есть вполне точный, казалось бы, не допускающий различных толкований взгляд. Это—взгляд т. Ленина, выраженный им неоднократно, но яснее всего в статье, „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции“ (соч. т. XVIII, ч. I). Его и следует держаться историкам-коммунистам, к числу которых принадлежит т. С. Пионтковский.

„Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт“ нашей главной и настоящей пролетарски-революционной, социалистической работы“,—пишет здесь т. Ленин. Буржуазно-демократическая революция „перерастает“ в социалистическую:—„вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую“ (365—366 стр.).

Т. Пионтковский, взяв в основу этот взгляд Ленина, однако, ни мало его не продумал и грубо исказил. Его книжка, изданная, и рекомендованная Истпартом, пользующаяся широким распространением среди учащихся, распространяет исковерканный взгляд на социально-исторический смысл Октября.

В качестве примеров, которые должны иллюстрировать „двойственность“, „двуликость“ Октября, автор приводит декреты о рабочем контроле, об учреждении Совета народного хозяйства и о национализации банков. Спрашивается, что в этих декретах буржуазно-демократического? Ровно ничего. Буржуазно-демократическое содержание революции заключалось в чистке социально-экономических отношений страны от остатков крепостничества. Ленин в указанной статье перечисляет эти остатки: монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Ни к одному из них ни один из приведенных т. Пионтковским декретов отношения не имеет. Эти декреты как раз рисуют только социалистическое, обращенное к будущему лицо Октября.

Не выдерживают никакой критики рассуждения в роде следующих:

> „В вопросе о собственности двойной характер Октября выявился особенно резко“... В декрете о рабочем контроле— „замечательно то, что с одной стороны, он говорит лишь о контроле, упоминает „владельцев“ и, с другой стороны,— об обязательности постановлений рабочего контроля, т. е. тем самым превращая органы контроля в органы управления и, следовательно, уничтожая частную собственность на средства производства“ (116).

Если буржуазно-демократическую сторону Октября видеть во временном сохранении частной собственности, то с этой точки зрения и нэп, и вообще все переходные к социализму мероприятия будут одной стороной—буржуазно-демократическими. Но это— явная нелепость. К чистке от крепостничества никакого отношения не имеет временное сохранение капиталистической собственности. Непонимание термина „буржуазно-демократическая революция“ отражается и в том, что автор не критически, сплошь и рядом, подменивает этот термин другим: „мелкобуржуазная революция“. На стр. 117, например, он говорит о том, „как тесно связаны между собой два лика революции, как, несмотря на внутренние противоречия, они переходят один в другой— мелкобуржуазный в социалистический“.

Эта подмена терминов теоретически никуда не годна. Говоря о „двух ликах“, надо отличать характеристику революции по ее объективно-историческому смыслу от характеристики по движущим силам. „Социалистический лик“ — это характеристика по объективному смыслу. „Мелкобуржуазный лик“— по субъективному содержанию, по движущим силам, если иметь в виду крестьянство. Употреблять эти слова рядом, говорить, что одно переходит и перерастает в другое,— есть путаница. Чтобы сказать так, вместо слова „мелкобуржуазный“ надо поставить „буржуазно-демократический“, а это не одно и то же, как ошибочно полагает тов. Пионтковский. Мелкая буржуазия может являться движущей

силой социалистической революции, как пролетариат — гегемоном в буржуазно-демократической.

Это теоретическая путаница выражается и в беглой характеристике, которую т. Пионтковский дает 1905 году. Приводя (на стр. 7) цитату из старой статьи тов. Троцкого, цитату не большевистского содержания (в ней проблема завоевания власти для пролетариата в 1905 году выводится из отсутствия в России „крепкой и сильной мелкой буржуазии, по отношению к которой рабочие были только вспомогательным отрядом", а о роли крестьянства совсем не упоминается), т. Пионтковский солидаризируется с ней, и, перевернув страницу, пишет, что в 1905 году „пролетариат объективно боролся за свою диктатуру". Значит ли это, что 1905 год признается „объективно", в зародыше, социалистической революцией („перманентная" революция по тов. Троцкому)?

Подобная ошибка может иметь в своем корне только то, что пролетариат был, действительно, главной силой революции 1905 г., что его недостаточно активно поддержали крестьяне. В этом смысле революция была пролетарской. Но объективно-исторические рамки делали для пролетариата и крестьянства невозможным в 1905 году скачек к социализму. Пролетарская революция, как видим, была буржуазно-демократической. Этого противоречивого факта т. Пионтковский осмыслить не мог, ибо он не разграничил объективную сторону общественного сдвига от классово-субъективной.

Любопытно, что по Пионтковскому пролетариат в 1905 г. боролся за „свою" диктатуру, а для характеристики пролетарской диктатуры 1917 г. автор довольствуется популярным определением „рабоче-крестьянской" власти, „классовой власти... пролетариата и многомиллионного крестьянства", и т. п. Ошибочно полагать, что название „популярно-исторический очерк" избавляет от труда над теоретическим продумыванием формулировок. Именно популярная литература должна бы сделать известной каждому рабочему ту оговорку, которую, в ответ на реплику т. Бухарина во время дискуссии о профсоюзах, сделал Ильич, написавший в статье „Кризис партии" следующее:

> Говоря о дискуссии 30 декабря, я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: „У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское". Тов. Бухарин сразу же воскликнул: „какое?" А я в ответ ему сослался на только-что закончившийся VIII съезд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был не прав, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: „Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-ых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-2-ых, рабочее государство с бюрократическим извращением" (соч., т. XVIII, ч. I, стр. 83).

Кроме теоритических ляпсусов, в книжке есть и чисто-исторические. Неверно утверждение, что уже перед войной в 1905—12 гг., российский капитализм переходил „от монополистического

капитализма к государственно-монополистическому". Для указанного периода характерно еще только укрепление монополистического капитализма. Ссылка на Ленское т-во мало убедительна. Кстати, — не „банковый" капитал есть высшая форма капитала, как то сказано на 1-ой странице, а финансовый.

Описывая этапы революции 1917 года, автор не оттеняет классового сдвига, происшедшего в июльские дни, и совсем не останавливается на VI съезде партии, который дал оценку этому сдвигу и сменил лозунги, временно отодвинув на второй план „власть советам" и бросив лозунг „долой диктатуру империализма". „Подступы к Октябрю" автор датирует, в общем, с корниловщины, между тем это поверхность явлений. Противоречия сентября — октября сложились окончательно уже в июле, когда фактически к власти пришла воинствующая реакционная клика.

Перечислять отдельные более мелкие ошибки и поспешные заключения, которые „походя" делает автор повсюду, утомительно и не нужно. В общем и целом, для книжки характерно отсутствие монизма, единства и выдержанности, наличие разбросанности и эклектизма. Правильные положения перепутаны с ошибочными. Вывод, который надо сделать из разбора книжки — это необходимость компетентной редактуры для всей популярщины, которая сейчас в обилии издается и которая, конечно, адски нужна. Популярную книжку об Октябрьской революции прочтет всякий. И именно поэтому наше требование к ней прежде всего — теоретическая выдержанность, а потом — все остальное. Хороших популяризаторов у нас достаточно. Надо лучше сорганизовать и контролировать их работу.

В. Астров.

М. Болдырев. Новая волость. Изд. „Красная Новь" 1924 г. Стр. 54.

На наш книжный рынок выбрасывается огромное количество литературы по так-называемым „общим" вопросам. Тем разительнее бросается в глаза скудость этого рынка в другом отношении. Крайне мало книг, учитывающих наш практический опыт в разных областях, — в политической, хозяйственной, культурной, — и делающих этот опыт достоянием широких партийных и трудящихся вообще масс. Почти совсем нет книг о современной деревне.

Наши издательства в этом отношении бессознательно продолжают худшие традиции буржуазных издательств. Литература, учитывающая практический опыт строительства, издается почти исключительно ведомствами и носит ведомственный, непопулярный, недоступный массе характер.

Некоторый ведомственный отпечаток лежит и на брошюре т. М. Болдырева „Новая волость". Но, несмотря на это, мы остановим на ней внимание читателя. Автор оперирует только с данными Смоленской губернии, трактуя вопрос не о деревне вообще, а о работе волисполкомов. Вопрос о советском аппарате в деревне еще долго, видимо, будет для нас „перманентным" вопросом, требуя новых улучшений и реформ.

В Смоленской губернии проделывается, и вообще удачно, опыт укрупнения волостей. Вместо прежних 234-х волисполкомов, намечено оставить 91, с перенесением их в естественные, экономические центры,—к станциям жел. дорог, в торговые села, к большакам и пр. Вместо сидящих в 234 волисполкомах 1.872 человек в 91 останется 1.032, по 12 человек на волисполком. Вместе с тем, число сельсоветов сокращается с 3.757 до 2.203. В общем людское сокращение аппарата превышает 1.000.

Не следует думать, что сокращение преследует цель непосредственной бюджетной экономии. Наоборот.

„Ведь дешевле того,— пишет автор,— что стоил наш низовой аппарат в 20, 21, 22 и 23 годах, когда мы его почти не снабжали, он стоить нам не будет. Он будет стоить много дороже".

Вместо 150.000 зол. рублей, ассигнованных на губернский низовой аппарат в прошлом году, теперь, в 23-24 г., ассигнуется 420.000 рублей.

Зато положение служащих значительно улучшается и волисполкомы ставятся в нормальные условия для работы, удовлетворяя лучше и полнее нужды крестьянства. Опыт сокращения уже в 1923 году проделан в одном, чисто крестьянском Сычевском уезде. Из 22-х волисполкомов с 176 служащими создано 5, с 60-ю сотрудниками, а число сельсоветов сокращено с 184 до 114. Вместе с тем, ассигнования на низовый аппарат в уездном масштабе возросли с 14.000 до 40.000 руб.

Работа новых исполкомов была обследована представителями губернии и Наркомвнудела. Оказалось, что посещаемость их населением возросла, вместе с падением посещаемости уездного центра. Дела решаются быстрее, лучше, справки делаются точнее, лучше знают свою волость и т. д. Крестьяне выражают удовлетворение реформой. Бестолковица заменилась работой. Активность волостной сети возросла во много раз. Отдаленность от деревень заставила лишь передать некоторые второстепенные функции сельсоветам (запись рождений, смертей, выдача удостоверений, заверений личности и пр.).

Укрупненный волисполком, как отмечает автор, сможет взять на себя более активно удовлетворение и экономических и культурных нужд населения: „Воскресенский ВИК отремонтировал помещение волисполкомов, нардом, школы, починил и построил несколько мостов. „Вот это исполком, настоящий хозяин",—говорят крестьяне. „В жизни волости даже побитые стекла имеют крупное политическое значение",—с известным основанием замечает автор брошюрки.

Встает еще целый ряд вопросов, требующих разрешения в связи с волбюджетом, с необходимостью дать лучших работников, более приспособив для этого партком и т. д. Но первый опыт уже крайне ценен, к нему должно быть привлечено внимание партии, он должен быть оценен не только с одной Смоленской „колокольни". Автор замечает, между прочим, что, напр., для северных губерний и казачьих областей многое из предлагаемого им не подойдет.

Выпуск подобных книжек,— еще более популярных и охватывающих современное состояние северной деревни вообще, а не только состояние одного советского аппарата,— можно лишь порекомендовать нашим издательствам, а чтение их — читателю-партийцу.

А.

„Рабочий корреспондент", ежемесячный журнал, под редакцией М. И. Ульяновой, Керженцева, Сосновского, Попова-Дубовского и др. 1924 г., № 1 (январь), № 2 (февраль).

Среди многих журналов специального характера в последнее время выделился и бросается в глаза „Рабочий Корреспондент". Это журнал, имеющий не только профессионально-групповой интерес; это орган, имеющий крупнейшее значение. „Рабочий Корреспондент"—это весьма немаловажный рычаг в деле „изменения мира" в направлении к коммунизму. Организовать и воспитать стихийно выделяющиеся из рабочей среды литературно-политические силы—это значит не только обеспечить успех рабочих газет и журналов, увеличить в числе, укрепить и воспитать рабкоровскую организацию,— одновременно это значит обеспечить культурно-политическую смычку с широкими массами пролетариата, обеспечить растущее влияние действенного марксизма на рабочий класс через рабочих же.

С этой точки зрения нельзя не приветствовать настоящий журнал, перед которым развертывается большое будущее. В самих потребностях и условиях коммунистического строительства заложены объективные предпосылки роста, влияния и успеха этого журнала. Но журнал хорош не только тем, что своим появлением он удовлетворяет важную объективную общественно-политическую потребность; он хорош тем, что правильно, актуально и деловито эту потребность удовлетворяет, что постановка журнала свидетельствует о правильном субъективном подходе журнала к разрешению больших объективных задач, стоящих перед революцией на данном участке идеологического фронта.

Первый программный номер журнала открывается статьей тов. Бухарина: „Диктатура пролетариата и рабкоровские организации". Тов. Бухарин определяет в этой статье место и роль рабкоровской организации, как очень важного колеса в общем механизме советского коммунистического строительства.

Государственное строительство может протекать успешно при наличии добровольных объединений „сотен и тысяч маленьких и больших, быстро движущихся обществ, кружков, объединений, которые были бы подсобной силой этих основных организаций, которые помогли бы величайшему делу, делу связи с массой". Такие добровольные объединения разного типа имелись и имеются в буржуазном обществе.

„Пролетариат есть класс, гораздо менее анархический, чем буржуазия,— это мы знаем чуть ли не с детских пеленок. Ясно поэтому, что он должен развить эту деятельность в гораздо большем масштабе, чем буржуазия".

Тов. Бухарин приводит далее примеры таких добровольных объединений в советской России („общество хозяйственной разведки“, „клуб красных директоров“, „деловой клуб“, „лига Время“, кружки самообразования и т. д., и т. п.).

Основная черта этих организаций—добровольность, подбор по влечению, по любви к тому или иному делу.

Рабкоровская организация—одно из крупнейших по политическому значению добровольное объединение, помогающее пролетарскому государству приводить широкие массы в движение для разрешения больших культурно-политических задач.

Но и его успех зависит в громадной степени от того, как будет организовано это объединение.

Пуще всего следует бояться „казенщины“. Рабкоровская организация объединяет „любителей дела, а не патентованных, назначенных сверху, чиновных корреспондентов“.

Такой принцип организации исключает и возможность законодательной, „декретирующей“ деятельности объединения; это организация, помогающая советами, моральным воздействием, взаимопомощью и пр.

Руководство партии обеспечит правильное направление в этой работе рабкоровского объединения.

Таковы основные положения этой статьи.

Самым актуальным, „гвоздевым“ вопросом в первом номере является вопрос о принципах организации рабкоров: назначенство, выборность или добровольчество? В большей своей части этой проблеме посвящена статья тов. Н. Борисова „Итоги совещания рабкоров“. Ее разрешением занята и тов. М. Ульянова в статье „О методах привлечения рабкоров“. Проводимая в журнале точка зрения о добровольчестве, как принципе построения рабкоровской организации, представляется нам единственно политически правильной. Совершенно права тов. М. Ульянова в возражениях тов. Урицкому (ст. в № 8 „Журналиста“), который пишет: „Избранный рабкор, которого все знают и уважают (раз его выбрали),—самый желанный рабкор. Но и для своих избирателей он приобретает значение официального лица“...

„Глубокое непонимание всей сути работы среди рабкоров,—отвечает тов. Ульянова,—чиновничий подход к делу чувствуются в каждой строчке приведенной цитаты (один заголовок статьи „Как быть с рабкорами?“—чего стоит). Не поздоровится нашему молодому рабкоровскому движению, если „секция печати будет вести среди них основную работу“ (предложение тов. Урицкого) таким образом. Не чиновники, „не официальные лица“ нужны редакции с заводов, с ними живой работы не разовьешь, а именно те „никем не выбираемые и никому не известные“ рабкоры, пишущие „по доброй воле“, которых редакция должна притянуть ближе к работе, заинтересовать ею, воспитать на ней опытных рабкоров, пользующихся весом и уважением и у администрации, и у рабочих, и у редакции, не потому, что они выборные, а потому, что они проделали большую работу и на этой работе доказали свою пригодность быть рабкорами“.

Журнал уже с № 1-го дает богатейший материал. Здесь и практика рабкоров с их „успехами и неудачами“, и интересный обзор „Стенной газеты на заводе“, и обзор роста рабкоровских организаций, и литературно-художественный уголок, и „Популярно-научный справочник“, и „Что читать рабкору“. Редакции следовало бы, пожалуй, поработать над устранением некоторой пестроты и дробности этих многочисленных отделов: следовало бы упростить внутренюю архитектонику журнала, объединив ряд отделов под более общим разделом.

Недостаточно хорошо поставлен отдел: „Что читать рабкору?“. Журнал должен взять на себя популяризацию идей марксизма-ленинизма в рабкоровской среде.

В отделе „Что читать“ следует с простотой и обстоятельностью дать ряд программок чтения по различным вопросам.

Рабкор должен найти в своем журнале не только обоснование правильной линии поведения в своей рабкоровской работе, но и помощь в деле политического самообразования.

Второй №, развивая более конкретно задачи рабкоров в наши дни, намечает смычку рабкоровского движения с крестьянско-корреспондентской и военкорской организацией. Хотелось бы рассказать подробнее и о №, 2 но нашей задачей сейчас является лишь дать общую политическую оценку журнала и остановить на нем внимание партии.

Журнал, повторяем, очень хороший, политически важный, и является далеко небезынтересным не только для рабкоров, но и для всякого профессионала-партийца.

Шар.

От редакции.

Статья тов. Мартынова „Неудачное подражание“ (ответ на статью Вардина „Маленькая книжка с большими ошибками“) за неимением места не могла войти во вторую книжку „Большевика“ и будет напечатана в следующем номере нашего журнала.

Редакция: **Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.**